

Я БЫЛ НА ЭТОЙ ВОЙНЕ...

Николай
СТАРОДЫМОВ

ЗУЛЬФАГАР

СЛУЖУ
РОССИИ!

Николай Александрович Стародымов

Зульфагар. Меч калифа

Серия «Служу России!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7442425

Зульфагар. Меч калифа. Роман / Стародымов Н.А.: Горизонт; Москва; 2017

Аннотация

Кровавой страницей в историю России вписаны события на Северном Кавказе на рубеже XX-XXI веков. Как определить, кто прав, кто виноват в той жестокой мясорубке, перемалывавшей людей, судьбы, идеалы?..

Одно можно сказать определённо: не было на той войне однозначно правой стороны, не было и однозначно виновной.

А были с обеих сторон люди – обычные люди, со всеми своими достоинствами и недостатками, люди, которые сражались за идеалы, которые считали своими. Или же вынужденные сражаться в рядах одной из сторон.

Кошмарная это штука – гражданская война.

Книга написана на основании событий, произошедших в 1999 году.

Зульфагар – позывной командира группы спецназа отряда сепаратистов. В романе рассказывается об одной проведённой

им операции против группы генералов федеральных сил и о её
последствиях...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

126

Николай Стародымов

Зульфагар. Меч калифа

«Зульфагар» – Священный меч-истребитель халифа Али, родственника и сподвижника Пророка Магомета.

В основе повести лежат подлинные события, происшедшие в период между чеченскими кампаниями. Тем не менее, считать ее документальной не следует.

Всякое сходство героев с реальными людьми является случайным, за исключением особо оговоренных случаев.

Северный Кавказ. Перевал Халам-Самбулак **«Мстители ислама»**

Когда ожидание стало уж совсем нестерпимым, легкий шум эфира прервался коротким сообщением:

– Я – Мент. Они выехали. Прошли пост.

– Наконец-то! – с облегчением отозвался Шанияз. –

Сколько коробок?

– Три. Две маленьких и одна с охраной.

– Маршрут движения?

– По плану.

– Понято. Отбой.

Командир группы специального назначения «Мстители ислама» Министерства шариатской госбезопасности Чечен-

ской Республики Ичкерия, выступающей под зеленым знаменем Пророка против неверных гяуров, капитан Шанияз Хамлаев с позывным «Зульфagar» (он его сам себе придумал и очень им гордился) сунул в нарукавный карман куртки «дальнобойную» рацию и из кармашка новенькой «разгрузки» (типа «Тарзан» – очень удобная штука, не то что какая-нибудь самоделка) достал другую, маломощную, работающую только на короткие расстояния, да и то исключительно на прямую видимость. Разговор, который ведется при использовании таких раций, подслушать очень трудно, а уж запеленговать и вовсе практически невозможно, что чрезвычайно важно для диверсантов.

– Готовность «один», – сказал он в микрофон. – Все слышали?

Ответы послышались вразнобой, но дружно:

– Я – Муса. Готов... Я – Зангар. Готов... Я – Каландар. Готов...

Иного, впрочем, и быть не могло.

– Отлично. Ждем, ребята.

Захотелось добавить что-то типа «без команды не стрелять» или «будьте внимательны»... Однако Шанияз удержался. Знал, что в его группе подобраны профессионалы экстра-класса, а потому подобные напоминания, бесполезные по сути и банальные по форме, вызовут у подчиненных только кривые ухмылки да ехидные перемигивания – мол, перестраховывается командир, нервничает; да оно, мол, и

понятно, как ни говори, а это у него, молодого, первое самостоятельное задание. И невдомек им, рядовым боевикам, что каждый из них, прекрасно зная свое место и свою роль в предстоящей акции, отвечает только за себя и за выполнение поставленной ему лично задачи – в то время как командир несет ответственность за все и вся; потому и рвутся у него призывы к осторожности и внимательности.

...Хамлаев чуть поерзал, устраиваясь поудобнее. Проверяя – в который раз! – полноту наполнения автоматных магазинов патронами, взглянул на контрольные отверстия; «рожки» были между собой смотаны изолентой попарно, по «афганскому» образцу. На всякий случай расстегнул на «разгрузке» клапаны кармашков с гранатами с заблаговременно ввинченными в гнезда запалами, хотя искренне надеялся, что пользоваться «карманной артиллерией» не придется. Локтем коснулся кобуры пистолета – это была новая модель «Макарова», куда удобнее старой, большинство офицеров-гяуров такие еще не только в руках не держали, но даже и в глаза не видели, в то время как «мстители ислама» через посредников получили их целую партию едва ли не непосредственно с завода.

Все было в порядке. Оставалось только одно – ждать.

Это очень нелегко – просто лежать и ждать, когда же появится противник. Однако для диверсанта умение ждать – качество просто незаменимое. В засаде выдержку нужно иметь железную. Тут какие-нибудь нервные холерики, пусть

будут самыми что ни на есть умницами в теории организации засад и супер-снайперами, только испортят все дело.

Одно сейчас утешало: осознание, что ждать оставалось совсем недолго.

– Зульфагар, они появились, – опять донесла рация.

– Кто говорит? – спросил Шанияз.

Он прекрасно понял, кто именно вышел на связь, и тем не менее счел необходимым уточнить. Командир требовал от подчиненных точности в соблюдении подобных мелочей. Потому что мелочами их не считал. Неверно или неточно переданная информация в ответственный момент может дорого обойтись.

– Это Арсен, – поправил свой доклад подчиненный. – Они появились. Только что прошли меня.

– Сколько? – уточнил Хамлаев, решив перед боем ограничиться вопросом.

Вот при разборе этому армяшке-наемнику нужно будет не забыть напомнить о том, что доклад должен звучать четко, кратко, чтобы не возникало нужды в уточнениях.

– Как и было сказано, три.

– Хорошо, понято. Все по плану.

Для Арсена, который сейчас находился на наблюдательном пункте у входа в ущелье, главным было пропустить колонну мимо себя и, убедившись в том, что ее состав не изменился, что это не приманка, за которой следует мощная бронегруппа, сесть на свой мотоцикл – выбранный специально

для операции мощный и надежный «Ямаха V-Мех», который выпускается уже полтора десятка лет – и следовать за гяурами на безопасном расстоянии. На этот раз в бою участвовать ему не придется.

Другими словами, в данном случае Арсен особенно ничем не рискует – даже если гяуры его почему-то попытаются задержать и выяснить, кто он такой и что делает в горах, претензий к нему возникнуть не могло. Но с другой стороны, если наблюдатель не успеет присоединиться к товарищам, он рискует остаться здесь один, специально ждать его никто не будет. Тут как на подводной лодке: при аварии все люки и двери задраиваются, независимо от того, остались в соседнем помещении твои товарищи или нет. Впрочем, если подобное произойдет и Арсен в самом деле отстанет, для него это не так страшно – просто придется до базы добираться в одиночку и самостоятельно. На подобный крайний случай документы у каждого имеются вполне надежные. К тому же Арсен не чеченец, а потому выпутаться ему будет куда легче, чем, скажем, тем же Каландару или Мусе.

...Наконец и сам Шанияз увидел, где идет колонна. Сначала вдалеке в воздухе появился мутный шлейф пыли. По первости он был почти неразличим на фоне серых выгоревших гор, но потом вдруг разом обозначился совсем недалеко. Одновременно донесся и звук моторов. Привычное ухо отметило: идут только обыкновенные автомобили – «движки» «брони» ревут не так.

– Готовность «ноль», – произнес он в микрофон.

Теперь отменить операцию не могло уже ничто. Кроме, понятно, неожиданного появления «вертушек» или бронегруппы гяуров. Но такого произойти никак не должно – в пункте постоянной дислокации русаков сидит проверенный агент Зульфагара по кличке Мент, который сообщил бы о столь опасном повороте дел. Значит, неверные о подготовленной засаде не подозревают. Что ж, тем хуже для них!

Из-за поворота появилась первая машина. Это был выдавший виды запыленный «уазик» под серым выгоревшим тентом. Боковые стекла у него отсутствовали – жарко. Внутри машины можно было разглядеть людей в «камуфляже»; виднелось богатое золотое шитье на фуражках.

...О, Аллах! Сколько же этих кяфиров нужно бить, чтобы они наконец поняли, насколько глупо на войне выпячивать свое генеральство! Им целых десять лет Афганистана потребовалось, чтобы сделать открытие, давным-давно известное всему миру: у воюющих людей одной армии форма, независимо от чина, должна быть одинаковой, чтобы в бою противник с расстояния был не в силах отличить офицера от солдата, а, скажем, техника самолета от собственно пилота. Там офицеры целых пять лет подставлялись под пули, отличаясь от рядовых подчиненных фуражками и портупелями... Казалось бы, теперь-то уж все: ввели единую униформу, чтобы в бою невозможно было бы различить командира и подчиненного. Так нет же: здесь, на Северном Кавказе, генера-

лы сплошь и рядом щеголяют в каком-нибудь немислимом «камуфляже», которого не может быть у простого смертного вояки (кроме, понятно, прапорщика-завскладом), да еще непременно в фуражке с шитьем.

Как они вообще сумели создать такую огромную и могучую – во всяком случае, до недавнего прошлого могучую – страну, эти русские, при их-то врожденной безалаберности!..

За первой машиной появилась вторая, тоже легковой УАЗ. Она шла на некотором расстоянии, чтобы пыль, поднятая первой, успевала хоть немного рассеяться. И лишь затем, тоже на некотором расстоянии, следовал приотставший крытый ГАЗ-66 под тентом которого должна была находиться охрана. Впрочем, назвать этих сидящих в кузове бойцов охраной трудно: как и кого они могут оберегать, если под брезентом они, по сути, слепы?..

Все правильно – так Мент и докладывал.

Ну что ж, гяуры, у вас танки и самолеты, у вас «Грады» и гаубицы Д-30, а у нас горы и вера в Аллаха! И еще посмотрим, кто кого победит!

Не зря же Аль-Мугизз (Дающий мощь) Аллах¹ напутствовал Пророка:

---

¹ У Аллаха в Коране имеется 99 имен, в совокупности они называются «Аль-Асма аль-Хусна» («Самые красивые имена Аллаха»). Мусульманин обязан знать их наизусть и поминать их. Более того, правоверному рекомендуется, хотя и не обязательно, называть своих сыновей одним из них. Аль-Мугизз – одно из таких имен.

*Ты поднимай уверовавших на сраженье.
И будь средь вас хоть двадцать терпеливо-стойких,
Им – победить две сотни человек!
А если будет сотня вас,
Вы победите тысячу неверных —
Они ведь лишены любого понимания²*

Шанияз припал к автомату. В проезжающем мимо автомобиле было хорошо видно плечо человека с двумя звездами на зеленом защитном погоне. О дверцу опиралась загорелая рука в закатанном выше локтя рукаве. Хамлаев взял прицел чуть выше, туда, где должна была находиться скрытая от него тентом голова генерала.

И мягко повел лежащий на спусковом крючке палец на себя...

– Помоги нам, Аль-Мунтаким Аль-Мумит Аллах! – проворкотал Хамлаев.

Он воззвал к Аллаху «мстящему» и «умертвляющему». Шанияз знал, что эти и другие священные для любого правоверного слова сейчас произносятся все его подчиненные...

Место для засады они выбрали идеальное.словно уто-

---

² Коран, сура 8, аят 65. Здесь и далее Коран цитируется по переводу Валерии Пороховой, который несколько отличается от классических переводов выдающихся арабистов Игнатия Крачковского и Гордия Саблукова, как, впрочем, и от некоторых трактовок Владимира Соловьева.

мившись петлять среди скал и расщелин, горная дорога, достигнув высшей точки перевала, выпрямлялась и метров триста, если не больше, тянулась почти по прямой. С двух сторон ее сжимали невысокие, до полусотни метров, старые оплывшие холмы, покрытые огромными потрескавшимися валунами и редко поросшие жесткими скрюченными деревцами, вцепившимися корявыми корнями в глубокие расщелины. Отсюда можно было спокойно расстрелять и более могучую колонну, не опасаясь как серьезного сопротивления со стороны жертв, так и того, чтобы случайно попасть в своих, засевших на высотках вдоль дороги с противоположной стороны.

...Первая очередь прогремела очень громко, отразившись раскатистым эхом со всех сторон. И в следующий миг выстрелы слились в единый грохот.

Шедший впереди «уазик» замер мгновенно – либо водитель от неожиданности резко ударил по тормозам, либо от пуль заклинило колеса. Даже с такого расстояния было видно, что в его бортах и тенте десятками появляются новые и новые пробоины.

«Газон» с охраной подпрыгнул, налетев на разрыв умело, точно под передние колеса, выпущенного выстрела гранатомета. Автомобиль мгновенно окутался дымнооранжевым облаком взорвавшегося бензина. Из кузова вывалились и покатались по земле две объятые пламенем фигурки; наверное, они отчаянно кричали сейчас от боли, эти горящие рус-

ские солдаты, но за грохотом автоматных очередей этого не было слышно. Да и не воспринимались эти фигурки на таком расстоянии как люди – просто как виртуальные компьютерные иллюстрации к фильму о расстреле колонны... От взрыва кабину «газона» сорвало со стопора и она, раза два качнувшись на пружине, замерла в поднятом положении. Оба человека, сидевшие внутри, вывалились сквозь лобовое разбитое стекло наружу и теперь висели головами вниз; их тела время от времени делались невидимыми в языках огня и клубах дыма.

В этой ситуации не растерялся и сумел хоть что-то сделать для спасения себя и сидевших в машине пассажиров водитель второго «уазика». В первый момент, едва началась стрельба, автомобиль только чуть притормозил. Стремясь закупорить узкую дорогу, боевики основной огонь сосредоточили на первой и последней машинах. Это давало шанс, хоть и мизерный, второй – и водитель этим шансом воспользовался на сто процентов. Машина вдруг рванула вперед и, оттолкнув бампером замершую, проскочила в узкую щель между скалой и обреченным автомобилем. После этого, оказавшись на открытом участке дороги, водитель резко добавил газу.

– Достаньте его кто-нибудь! – не сдержавшись, прекрасно понимая, что его никто услышать не сможет, заорал Хамлаев. – Кто-нибудь же!..

Он уже стоял во весь рост и, прижав автомат к плечу, при-

цельно бил короткими очередями, стараясь поймать на мушку быстро удаляющийся, подпрыгивающий на камнях автомобиль. По нему же, беглецу, строчили и остальные. Кто-то выстрелил из гранатомета. Боевик промахнулся – снаряд, пролетев едва не в метре за кормой машины, угодил в огромный валун. «Уазик» взрывной волной швырнуло вперед, но он удержался на колесах. На дорогу посыпались обломки породы раздробленного взрывом камня.

– А, Шайтан!..

Машину-беглянку мотало из стороны в сторону. Вряд ли пытавшийся вырваться из засады водитель делал это осознанно, но именно это его спасало. Пули густо сыпались вокруг удаляющейся коробочки «уазика», счастливо минуя его.

Гранатометчик выстрелил еще раз. На этот раз снаряд взорвался перед самой машиной. И вновь водитель каким-то чудом сумел увернуться от вспучившегося перед автомобилем облака разрыва. На какое-то время машина исчезла из вида – взметнувшиеся клубы пыли заслонили ее от «мстителей ислама».

– Зачем ты помогаешь ему, Аллах? – кощунственно не то прокричал, не то подумал Хамлаев, одной очередью достреливая магазин до конца сквозь эту пылевую завесу.

Такая стрельба наугад редко бывает успешной, но и удержаться он не мог. Так удачно все начиналось, а теперь тревога у гяуров поднимется раньше, чем они планировали, а

соответственно и времени на отход у них будет меньше.

Когда поднятая разрывом пыль немного рассеялась, машины-беглянки, как и следовало ожидать, уже не было видно – она скрылась за поворотом. Только теперь Зульфегар осознал, какую грубейшую ошибку он изначально допустил при расстановке подчиненных – необходимо было парочку своих ребят поставить подальше, у самого поворота, именно на случай прорыва. Подвела элементарная самоуверенность – кто ж мог предположить, что в такой лавине огня и свинца может хоть что-нибудь уцелеть!..

По противоположному склону сверху к замершей на дороге машине уже спускались боевики. Зульфегар тоже заскользил по осыпающемуся откосу им навстречу. И только теперь в разлившейся тишине стали слышны пронзительно громкие крики-стоны, которые неслись из расстрелянного «уазика».

– Зульфегар, сразу добьем? – услышал он из рации голос Мусы. – Или будем брать?

– Смотря кого там не добили, – отозвался Хамлаев. – Посмотрим и тогда решим.

В самом деле, если в машине заходится от боли рядовой боец или прапор, да еще «тяжелый», то на фиг он кому нужен – добить, да и вся недолга, времени нет с ним возиться. Впрочем, если легко раненый, можно будет прихватить с собой даже рядового бойца, тем более, что его ведь не придется тащить на горбу, поедет на машине, с комфортом – как любит говорить Аргун, лишний заложник никогда не быва-

ет лишним... Ну а если там раненый генерал или старший офицер, его нужно будет брать и тащить в любом состоянии. Даже если он подойдет по дороге – генерал, даже мертвый, он и в Африке генерал, на его тело можно было бы кого-нибудь и обменять. На рядовых и офицеров русское начальство плевать хотело, а о генералах еще как-то пекутся...

Боевики уже спустились к машине, сгрудились возле нее. В голове у Шанияза мелькнула мысль, что, получив в себя столько пуль, она уже давно должна была бы взорваться. В каком-нибудь американском фильме так произошло бы непременно – если бы, конечно, внутри не находился главный герой...

Муса – кажется, это был он – взялся за ручку дверцы, готовый ее распахнуть...

Зульфагар, у которого в голове проскочила мысль о возможном взрыве, вдруг почувствовал какое-то беспокойство... На дверцу, за ручку которой взялся Муса, навалился тот самый генерал, с выстрела в которого началось побоище. По безжизненно свесившейся загорелой руке, на которой ярко блестели крупные часы, причудливыми узорами стекала капающая из пробитой головы алая кровь...

И Шанияз вдруг понял, что сейчас произойдет. Не предположил, не засомневался, не заподозрил, а именно понял.

– Стой! – заорал он, останавливаясь и хватаясь за корявый ствол низкорослого колючего деревца. – Стой, Муса!..

Однако Муса уже начал движение и остановиться не

успел. Он, всем телом поворачиваясь в сторону голоса, уже повернул ручку дверцы и потянул ее на себя.

Несмотря на большое расстояние, на потрескивание, доносящееся от горящего в стороне «газона», на часто щелкающие у него внутри рвущиеся патроны, на громкий говор боевиков, Шанияз отчетливо услышал щелчок чеки гранаты и шипение порохового замедлителя. На столь значительном расстоянии услышать такое невозможно – это было лишь его воображение, основанное на опыте и едва ли не на зверином чутье, которым он всегда предчувствовал опасность.

Во всяком случае, стоявшие вокруг машины боевики услышали эти звуки не все. Хотя кто-то и попытался рвануться в сторону, было уже поздно...

Дверца распахнулась. Генерал вывалился в открывшийся проем. А вслед ему изнутри рванул взрыв.

Сначала сработала одна граната. Потом сразу несколько. Потом сдетонировали бензобак и канистры с бензином. Потом раздалось еще несколько взрывов...

Шанияз почувствовал, как его в лицо жарко толкнула упругая горячая волна. Вокруг густо и звонко цокали о камни осколки гранат, рваные ошметки корпуса «уазика»; некоторые из них горели. Неподалеку грохнулась и скользнула вниз по склону искореженная дверца машины; в ее ручку намертво вцепилась оторванная человеческая ладонь... Однако командир отряда боевиков не обращал на это внимания. Целое мгновение он смотрел на тугие жгуты пламени, охва-

тившие искореженный остов машины, и на разбросанные вокруг тела людей.

Как все нелепо получилось...

Впрочем, в растерянности Хамлаев находился недолго – он был человеком действия, к тому же попадать в самые неожиданные передрыги ему было не впервой. Потому его замешательство просто не могло быть слишком продолжительным.

Зульфугар отшвырнул в сторону ставший ненужным автомат, в несколько скачков спустился на дорогу и бросился к оказавшемуся ближе всего телу лежавшего на земле человека. От полыхающей машины нестерпимо несло жаром. Затрещали волосы... Хамлаев хотел натянуть на голову куртку, однако сделать это не удалось – мешала плотно подогнанная к телу «разгрузка», которой он так гордился. Тогда он закрыл лицо локтем и сделал еще несколько шагов. Схватил лежавшего на земле за шиворот и поволок прочь, подальше от разлившегося и полыхающего на земле бензина.

Нет, это бесполезно. В одиночку тут не справишься. Неужели все погибли?..

Хамлаев огляделся. По противоположному склону к нему спешили Каландар с напарником. Все правильно – по плану боя они должны были страховать остальных, на всякий случай оставаясь наверху.

– Я пытался их остановить... – глухо сказал Шанияз.

– Я видел, – подтвердил Каландар. И прагматично доба-

вил: – Сматываться надо.

– Надо, – согласился Зульфагар, доставая «дальнобойную» рацию. – Но и наших так не бросишь же... – кивнул он на разбросанные тела.

Они лежали в разных позах, на разном расстоянии от полыхающих останков «уазика». Никто не шевелился – даже если кто-то из ребят уцелел от взрыва, того добил жар. Их души сейчас мчались в рай. Однако это не утешало...

Хамлаев включил рацию.

– «Колеса»! – вызвал он.

– Есть.

– Пулей сюда!

– Понято... Там у вас все нормально?

– Приедешь – сам увидишь, – раздраженно оборвал Хамлаев подчиненного.

Тот понял, что командир чем-то недоволен, больше ничего спрашивать не стал.

– Мы быстро, – торопливо проговорил водитель и отключился.

– Меня дождитесь! – подхватил разговор в эфире запыхавшийся голос Арсена. – Я скоро буду. У меня мотоцикл накрылся, так я его бросил и бегом...

– Ладно, – буркнул Шанияз.

Мотоцикл у него накрылся, видите ли... Денек сегодня – все одно к одному... Тут его лишняя пара рук сейчас во как нужна была бы. Хотя... Что тут сейчас сделаешь?

Нужно ждать, пока пламя хоть немного ослабеет... Вот машины нужны – там огнетушители... Да и убитых погрузить...

А бросать погибших тут никак нельзя.

По шариату человек, умерший днем, должен быть похоронен до захода солнца. Понятно, война может внести какие-то коррективы в соблюдение этих законов, однако как бы то ни было, бросать тела ребят нельзя. По тому же шариату человек, который не смог вынести с поля боя труп товарища, автоматически становится кровным врагом для всей родни павшего.

Впрочем, это последнее обстоятельство Шанияза Хамлаева сейчас волновало меньше всего – он о нем даже не подумал. Просто знал, что убитых надо вывезти. Любой солдат, когда идет в бой, должен быть уверен: товарищи, что бы с ним ни случилось, его не бросят – тогда он воюет смелее.

Пламя начало немного ослабевать – бензин и брезент выгорают достаточно быстро, лишь скаты продолжали дымить по-прежнему жарко и чадно.

– Ну где эти шайтановы водилы?! – зло проговорил Каландар, который тоже попытался подбежать к самой машине, чтобы оттащить чье-то обуглившееся тело, однако не выдержал раскаленного воздуха и отскочил обратно. – Вечно отсиживаются в безопасности, а когда нужно, их не дождешься...

Шанияз не ответил. Торопливо разлепляя «липучки» «разгрузки» и стаскивая с себя этот жилет со множеством

кармашков для магазинов и гранат, чтобы он не мешал выносить убитых, Зульфагар лихорадочно думал о том, как действовать дальше, что предпринять в первую очередь.

Вырвавшийся из боя УАЗ уже, скорее всего, доехал до ближайшего блокпоста. Даже если не доехал, вот-вот будет там. Кроме того, у кого-нибудь из тех, кто находился в машине, могла оказаться рация. И даже если сделать поправку на то, что горы создают множество зон радионевидимости, нет сомнения, что у гяуров уже поднялась или вот-вот поднимется тревога. В любом случае приходится исходить из самого неблагоприятного варианта развития ситуации... Неверные и ради заштатной хозяйственной команды направили бы сюда подмогу. Ну а из-за этой группы генералов шум пойдет – ого-го-го какой.

Следовательно, даже если сделать скидку на извечное русское разгильдяйство, скорее всего сюда очень скоро прилетят «вертушки» и примчится бронегруппа.

Спасаться нужно, Зульфагар, срочно спасаться! – со всей очевидностью осознал Хамлаев. Он едва не кожей ощущал приближение опасности – она словно бы материализовалась, как бы сгущалась вокруг «мстителей ислама». Шанияз словно наяву слышал, как где-то в гарнизонах гяуров затрещали сигналы тревоги, как запели, зазвенели, заверещали зуммеры телефонов, как завывали сирены, как затопали тяжелые ботинки по направлению к боевой технике.

Да, рассуждал Хамлаев, доставая из кармана вязаную ша-

почку, похоже, им, остаткам диверсионной группы, отсюда не уйти. Никак не уйти... Если только не применить какую-нибудь хитрость. Но какую?.. После столь нелепой трагедии все предварительные планы-задумки полетели к чертовой матери. Хитрость... Что-то надо срочно придумать.

Похоже, выход оставался только один. Поняв это, Шанияз почувствовал, что у него по душе словно потянуло морозцем. Обмануть неверного грехом не считается и в мирной жизни. А уж на войне... Однако, сейчас, похоже, придется обмануть не только и даже не столько врага... Ну да тут ничего не поделаешь – каждый умирает в одиночку, пытался себя успокоить Шанияз.

...Наконец-то! Из-за холма вылетели два «внедорожника» «Хаммер» с «кенгурятниками» перед радиаторами и с предусмотрительно снятыми тентами. И оба тут же резко остановились – водители не могли предположить, что перед ними откроется такое зрелище.

– Чего хлебальники раззявили? – привычным русским матом заорал на них Каландар, отчаянно махая руками. – Быстрее сюда, так вашу мать!..

Вряд ли водители могли расслышать его крик, однако все поняли по жестикуляции. Джипы дружно, как по команде, развернулись на узкой дороге и рядышком начали сдавать назад. Теперь нужно было браться за дело без промедления.

Шанияз, торопливо натянул на голову плотную шапочку и, стараясь не обращать внимания на жар, струящийся от

останков машины, и не дышать, чтобы этот жар не проникал в легкие, бросился к ближайшему телу. Схватил его затылками в перчатки ладонями просто за одежду и потащил по земле, словно обыкновенный мешок. Швырнул по направлению к машинам.

– Грузите, чего возитесь?.. – крикнул он водителям.

Те, растерявшись от увиденного, никак не могли откинуть задние борта своих джипов.

– Убью! – неожиданно даже для себя самого спокойным голосом пообещал им Шанияз и бросился за следующим трупом.

Тут-то и подоспел Арсен. Он, запыхавшийся, появился на дороге из-за поворота. Очевидно, он очень боялся опоздать к отъезду машин, а потому едва не всю дорогу бежал. «Почему пешком?.. Что у него там с мотоциклом?.. – скользнула по сознанию Хамлаева мысль. – А, сломался... Странно...». Мысль скользнула и тут же угасла. Было не до нее сейчас, не до мысли.

– Шанияз, тут один наш живой, – окликнул командира Каландар.

Хамлаев бросился к нему.

На земле и в самом деле лежал боевик, подающий признаки жизни. Он был без сознания, однако чуть заметно дышал, выдавливая из губ кровавую пену. Это был Зангар, наемник, прибывший сюда откуда-то из Средней Азии.

– Что у него?

Каландар уже вспорол кинжалом на груди у раненого куртку, рывком обнажил грудь. И присвистнул. На смуглой коже виднелась большая рваная рана, из которой торчал острый розоватый обломок кости. Кровь вокруг обломка также пузырилась, словно вскипала от дыхания.

– Пневмоторакс, – со знанием дела прокомментировал Зульфагар. – Плохо дело...

– Пневмо... Что? – не понял один из водителей.

Сзади, в продолжавшем гореть «газоне» взорвалась очередная граната. Шайтан, сколько же их там у гяуров было? И сколько еще осталось?..

– Пневмоторакс. Это когда в результате ранения в грудь воздух в легкие попадает сквозь рану... – не обращая внимания на взрыв, пояснил Хамлаев.

Опытный в таких вопросах Каландар покосился на командира.

– Не жалец, – проговорил он. – Что будем делать?

– Все равно перевяжи, – распорядился тот.

Хамлаев понимал, что все, что он сейчас скажет, станет известно родственникам погибших, а также тем, кто будет беседовать с уцелевшими «мстителями ислама», разбираясь в причинах столь ощутимых потерь. Следовательно, необходимо, чтобы все запомнили, как он позаботился о раненом, пусть и обреченном, товарище.

– Про язык не забудь! – напомнил Зульфагар Каландару.

– Конечно, – буркнул тот.

Сам Шанияз устремился к очередному убитому.

Каландар склонился над раненым. Первым делом он ножом разжал зубы Зангара. Бесцеремонно сунул палец в грязной перчатке тому в рот и вытащил наружу покрытый кровью язык.

– Пакет! – скомандовал оказавшемуся рядом водителю.

– Что?

– Пакет, говорю, давай! Медицинский...

Тот с готовностью выхватил из нарукавного кармана индивидуальный перевязочный пакет, протянул его Каландару.

– Вскрой! – рявкнул Каландар.

Водитель послушно рванул оболочку.

– Там внутри булавка, достань!

Водитель, ни разу до того не вскрывавший медицинский пакет, суетливо извлек из него бинт, кусок марли, булавку и хотел отбросить плотную серую оболочку за ненадобностью в сторону.

– Ты что, идиот? – прорычал Каландар. – Она нужна...

Окончательно растерявшийся водитель молча переминался рядом, тербил оболочку в руках, не зная, что предпринять дальше.

Между тем Каландар ловко проткнул булавкой язык раненого и пришил к воротнику его же куртки.

– Это зачем? – изумленно спросил водитель.

– Чтобы язык в глотку не запал, – торопливо разъяснил Каландар. – Если западет, Зангар вообще задохнется.

– Ему же больно... – осмелился посочувствовать раненому водитель.

– Основная рана больше. Зато живой будет... Он все равно сейчас ничего не чувствует.

Теперь Каландар занялся раной в груди.

– Может, кость выдернем? – предложил водитель. – Она же острая...

– Без твоих советов обойдусь, – оборвал его Каландар. Однако снизошел до объяснения: – Этого делать нельзя – еще больше вреда причиним...

Он взял оболочку пакета, которую едва не выбросил водитель, разорвал ее, внутренней стороной прижал к ране. Начал сноровисто прибинтовывать ее к телу.

– Она прорезиненная и изнутри стерильная, – продолжал он пояснения. – Теперь воздух будет проникать в легкие только через горло, а не через рану...

– Откуда ты все это знаешь? – с уважением поинтересовался водитель – до сих пор он считал Каландара безнадежно тупым боевиком, не умеющим ничего, кроме как жрать и убивать.

– В лагере у Эмира Хаттаба учили... – с деланным равнодушием отозвался Каландар. На самом деле искренне восхищение водителя ему было приятно. – Нас там много чему учили... Ну вот и все! – сказал он, затянув тугой узел. – Грузи! Только положи аккуратно, сверху не навали кого...

– Да уж конечно...

...Шанияз схватил за камуфлированную одежду очередного убитого. Мимоходом отметил про себя, что труп по сравнению с другими на удивление хорошо сохранился – наверное, взрывом его отбросило чуть дальше от пламени.

В следующее мгновение боевик увидел на руке с высоко закатанным рукавом и в темных потеках крови крупные часы с граненым стеклом. Где он их видел, эти часы? Со всем недавно... Погоди-ка, погоди-ка... Хамлаев рывком перевернул труп на спину.

Это был тот самый генерал, в которого он стрелял в самом начале боя. Очевидно, в момент, когда Муса распахнул дверцу и остававшийся в живых гяур отпустил прижимную планку гранаты, труп этого русака еще не успел выпасть и его взрывной волной отшвырнуло далеко в сторону.

Зульфагар мимоходом профессионально отметил, что его выстрел был отличным – пуля попала в голову за ухом, почти в то место, куда он целился сквозь брезент тента. И теперь мягкие серебристо-седые волнистые волосы убитого, шевелившиеся от легкого ветерка, вокруг раны были буровато-красными от крови.

Шайтан забери его душу! Тела моджахедов обуглились так, что невозможно определить, кто из них есть кто, а этот...

Захотелось плюнуть в эту ненавистную славянскую морду, отрезать эти уши, вырезать на этом лбу крест или звезду, вспороть это брюхо и распустить по дороге все десять мет-

ров сокрытых там вонючих кишок, выколоть эти глаза, разломжить прикладом эту голову...

Да, все это очень хотелось сделать. Однако Зульфагар не дал захлестнуть себя темной ярости. Потому что он понял, что данное, вполне опознаваемое, тело можно как-то использовать для пользы дела. Каким образом? Этого он пока не знал. Может, обменять на кого-нибудь из тех соратников, которые содержатся у гяуров в тюрьме, может, за него заплачат деньги, может, даже оружия подкинут... Шанияз этого не знал. В конце концов, в горах есть люди, которые сообразят лучше, что делать со жмуриком. Так что лучше взять его с собой.

И потом... Даже несмотря на ненависть, которую Зульфагар питал к врагам, он считал ниже своего достоинства издеваться над убитыми. Пока гяур жив, его можно и должно убить. Но когда он повержен... Нет, до издевательства над мертвым истинный шахид не опустится.

– Этого тоже берем, – со злостью швырнул он тело по направлению к машинам.

Подчиненные ничего спрашивать не стали – он командир, ему виднее.

– Давайте-ка продолжайте! – махнул Хамлаев остальным. – И ты подключайся! – крикнул остановившемуся Арсену, который, наклонившись вперед и опершись ладонями о колени, все никак не мог отдышаться после такой пробежки. – Потом отдохнешь... А ты иди сюда, – отозвал он Ка-

ландара.

Тот дотащил до машины очередной труп, уронил его на землю и, вытирая рукавом пот со лба, торопливо направился за Зульфагаром, который отошел чуть в сторону.

– Что такое?

Шанияз чуть помедлил с ответом. Нелегко было произнести роковые слова. И хотя он знал, что все равно произнесет их, начать было трудно.

– Так что? Время поджигает... – нетерпеливо напомнил Каландар.

– У русских уже, наверное, поднялась тревога... – начал-таки, хоть и издалека, Хамлаев.

– Да уж скорее всего... – согласился Каландар. – Тем более нужно спешить.

Шанияз делал вид, что размышляет вслух:

– Всем вместе нам спастись будет трудно.

– Это точно, – согласился Каландар, хотя никак не мог понять, куда клонит командир. – Если догонят – враз обе машины накроют... И что ты предлагаешь?

– Нужно разделиться, – решил Зульфагар. – Тогда хоть у кого-нибудь из нас будет шанс прорваться к нашим.

В этом был резон, признал Каландар. Он промолчал, выжидательно глядя на Хамлаева.

– Давай так, – преодолев первичную моральную преграду и начав говорить, Шанияз немного успокоился, рассуждал теперь четко и уверенно. – Ты забираешь ребят, – кив-

нул он на убитых, – и дуешь напрямик к границе. А я постараюсь увести вертолеты, если, конечно, они появятся, за собой. Мне самому будет оторваться легче. Ну а у тебя, соответственно, больше шансов проскочить...

Каландар, выслушав план командира, подвоха не почувствовал.

– А если «вертушки» рванут все-таки за мной? – деловито спросил он.

– Я специально задержусь вон за той скалой, – махнул рукой Хамлаев в сторону, куда уехал сбежавший «уазик». – Когда услышу, что они летят, поеду по дороге, да так, чтобы побольше пыли поднять... Да еще популяю по ним... К тому же они мнят себя слишком умными и решат, что мы не такие дураки, чтобы рвать когти прямо к границе. Они сначала тут по округе пошарят... Пока они разберутся, пока то да сё, у тебя будет шанс оторваться.

Звучало убедительно.

– А ты как же? – дрогнувшим голосом спросил Каландар.

– Да уж как-нибудь прорвусь, – с облегчением (разговор пошел в выгодном русле!) отозвался Зульфагар. – В крайнем случае машину бросим, а без нее в горах, сам знаешь, от «вертушки» спрятаться проблем нет... Главное – у меня с собой не будет трупов, а потому налегке и скрыться легче... Так что давай-ка по-быстрому загружайся – и вперед!

Растроганный таким благородством командира, Каландар на прощание сжатым кулаком в потрепанной, испачканной

кровью Зангара, перчатке слегка стукнул его в плечо и побежал к боевикам, которые заканчивали забрасывать в кузова джипов мертвые тела.

– Так, ребята, все трупы быстренько перегрузить в одну машину!.. – скомандовал он.

– Зачем?

– Так надо. Без вопросов, быстренько!..

Командир группы спецназа «Мстители ислама» капитан Шанияз Хамлаев некоторое время смотрел ему вслед. Потом что-то проговорил сквозь зубы и поспешил за ним. Все получилось именно так, как он того хотел. Однако облегчения Зульфагар не почувствовал. Он знал, что благодарный взгляд товарища, которого он только что обрек на смерть, ему не забыть никогда.

*А тех, кто правый путь избрал,
Бог увеличит правоту
И одарит благочестьем³.*

Так увеличь мою правоту, о Аллах, ты же видишь, что я избрал правый путь и действую Тебе во благо! А по этому пути не всегда возможно идти ровно, не спотыкаясь...

Аллах акбар!

Северная Осетия. Моздок. Авиабазы Минобороны

---

³ Сура 47, аят 17.

России.

Калюжный – Соломатов – тревога – трагедия

Константин Калюжный с откровенным удовольствием взял свою большую, с отколотой кое-где синей эмалью, кружку, плотоядно облизнулся и, затаив дыхание, крупными глотками протолкнул в себя жидкость.

– Кгрха! – громко выдохнул он. – Клава, хорошо-то как!..

Он блаженно откинулся на обитую деревом стену предбанника. Немного подождал, что товарищ по предстоящей парилке подхватит анекдот, однако тот промолчал – громко сопел, возился с затянувшимися шнурками ботинок, которые никак не мог распутать.

Тогда Константин решил продолжить известный анекдот сам.

– Я не Клава, – сообщил он, довольно улыбаясь. И сам себе ответил: – А мне все равно хорошо.

Константин тут же набулькал себе из фляжки еще полкружки и с тем же наслаждением проглотил добавку. После этого двумя руками схватил запотевшую банку с водой и начал жадно пить прямо из нее, проливая студеную влагу на голую, покрытую крупными каплями пота, грудь.

– Не боисси, перед баней-то? – покосился на него Михаил. – Сердечко-то, не того, такую наглость стерпит?..

Он старательно ковырял нестриженными ногтями тугой заскорузлый узел шнурков пропыленного ботинка, который (узел) никак не желал поддаваться его усилиям.

– Сам не бойсь, пяхота, – миролюбиво отмахнулся Константин. И тут же предложил: – Может, и сам того, дернешь маненько, для разминки?

Михаил мгновение колебался – уж очень вкусно выпил Калюжный. Но потом решительно покачал головой.

– Нет уж, я лучше потом, опосля того как.

– Ну, гляди... – не стал настаивать Константин. – Вольному воля, спасенному рай. – Снисходительно добавил: – Что вертолетчику во благо, то пехоте – смерть... Мы можем в любом виде летать. Или забыл уже?

Михаил отвечать не стал. Он облегченно вздохнул – один узел наконец-то поддался – и тут же принялся за другой. Как это получилось, что умудрился затянуть в узел оба шнурка?.. Впрочем, одевался-то сегодня рано утром в темноте, не хотелось будить остальных офицеров, спавших с ним в одной огромной комнате, потому и не стал включать свет. Вот и затянулись узлы, черт бы их побрал, в самом деле...

Что же касается того, забыл ли он ту историю, на которую намекал вертолетчик... Разве ж такое когда-нибудь забудешь?..

Это было еще в начале той чеченской кампании. Тогда в конце марта 1995 года военное руководство решило направить в отбитые у мятежников-сепаратистов районы республики группу журналистов для того, чтобы они посмотрели на войну воочию. Реальной целью того “медиа-десанта” было, понятно, основательно подзапоздавшее желание руко-

водства страны и Вооруженных сил переломить настроение журналистов и, через их посредство, всего общества в пользу федеральных войск, которых пресса к тому времени пренебрежительно окрестила «федералами». Так получилось, что старшим в группе пищаще-снимающей братии, которую «вертушкой» доставили под Гудермес, оказался Михаил. Со склона хребта, который вытянулся вдоль железной дороги и шоссе, ведущих в сторону Дагестана, второй по величине город Чечни, в котором как раз происходила «зачистка», был виден как на ладони. Время от времени вдалеке, в так называемой Промзоне, вздымались к небу серые султаны разрывов «градовских» ракет, раскатистый звук от которых докатывался до хребта нескоро. Телевизионщики все это активно запечатлевали на пленку, фотокорреспонденты щелкали затворами своих камер, и все вместе они пытали воинов сводного батальона Псковской десантной дивизии, которые прикрывали действия бойцов Внутренних войск, занимавшихся «зачисткой» Гудермеса, о том, как им служится-воюется...

Для них, для журналистов, все было в диковинку. Одни снимали, как из вертолета прямо на расстеленный потрепанный, в лохматых дырках, брезент выкидывают буханки серого хлеба и как они, буханки, скатываются на прелую прошлогоднюю листву; фотокорр «Красной звезды» Миша Сидельников обнаружил первый, едва проклюнувшийся, весенний цветок и улегся прямо на сырую холодную землю, чтобы увековечить память об этом чуде природы; все вместе осматри-

вали брошенные боевиками позиции и обнаруженный склад боеприпасов, который отступающие заминировали, а саперы успели обезвредить; смеялись над остроумной выдумкой десантников, которые на борту одной из боевых машин укрепили невесть откуда попавшую сюда табличку-указатель с железнодорожного вагона «Грозный Псков», стерев тире между названиями городов...

Командовавший взятием города генерал Александр Скородумов, которого – кто уважительно, а кто и снисходительно – за глаза называли «окопным генералом» за то, что он не отсиживался в штабах, а делил с подчиненными все трудности боевой обстановки, смотрел на журналистов с нескрываемой тоской. Ночью, по всем признакам, готовилось нападение на десантников с тыла, со стороны села Белоречье, где окопались боевики, а потому ответственность за эту шумную ораву ему брать на себя не хотелось.

– Может, вы на ночь не будете здесь оставаться? – пытался он уговорить Михаила.

Тому тоже не хотелось отвечать за гражданских «пиджаков». Случись что-нибудь с любым из них – вся ответственность ляжет на него, военного контрразведчика майора Михаила Соломатова.

– Ладно, вызывайте вертолет! – решил он.

Скородумов откровенно обрадовался. Журналисты же, во всяком случае, большинство из них, расстроились. Во всяком случае, делали вид, что расстроились. И в самом де-

ле, кто знает, какие чувства они испытывали на самом деле? Быть может, только изображали недовольство, а сами рады-радешеньки, что кто-то принял решение отправить их вертолетом подальше от этой опасной вершинки...

– Миша, мы же отсюда такие репортажи сделаем! – наседали на Соломатова телевизионщики с канала НТВ. Они принимали его за своего армейского коллегу, не подозревая, что общаются с военным контрразведчиком. – Ведь такая удача подвернулась!.. Мы же сами за себя отвечаем!..

– Это вам только кажется, – ухмыльнулся Михаил. – Если будете на коне – обо мне никто не вспомнит, а случись что – ваше же руководство поднимет вой: кто лично виноват и что с ним делать... И потребуют подать им Ляпкина-Тяпкина...

Короче говоря, вертолет прилетел⁴.

Вертолетчики были злые, как черти. Оказалось, они только собрались в баню, а их выдернули едва не из парной.

– Кто тут старший? – зарычал на оробевших журналистов командир экипажа.

Позднее Михаил с ним познакомился и даже подружился. Это и был Константин

Калюжный. Но это было позднее. А в тот раз даже ему, на что ко всему привычному человеку, стало не по себе под

---

⁴ Следует отметить, что в последовавшую за описываемыми событиями ночь на десантников и в самом деле было совершено нападение со стороны н.п. Белоречье, военнослужащие понесли потери. Как знать, быть может настойчивость Скородумова спасла кого-то из журналистов...

грозным взором командира экипажа.

– Я, – не стал запираяться Михаил.

Калюжный смерил его тяжелым взглядом и процедил:

– Быть в готовности, скоро вылетаем...

Тут-то Соломатов и допустил ошибку, о которой затем пришлось здорово пожалеть.

– Слышь, командир... – отвел он Константина в сторону. –

На вот тебе, к бане, чтобы не сердился.

Он протянул Калюжному банку водки. Тогда в Москве продавались такие жестяные баночки, по 0,33 литра. Удобные они были тем, что их никогда не подделывали (алкомафии заниматься этим было невыгодно – потому, наверное, их выпуск вскорости и запретили) и в дорогу такие брать было удобно: не бьются и тара почти ничего не весит.

– Спасибо, – уже мягче буркнул тот.

И ушел. Через несколько минут Соломатова отыскал борттехник вертолета.

– Вас командир вызывает, – сообщил он.

– Вызывает? – с нажимом переспросил Михаил.

– Ну, приглашает, – нехотя поправился борттехник.

В силовых структурах всего мира вообще очень болезненно относятся к подобным вещам: вызывать к себе офицера может только его прямой начальник. Любой другой, пусть даже генерал, и уж тем более другого ведомства, может только приглашать.

Оказалось, в салоне «вертушки» уже накрыт импрови-

зированный столик, на котором одиноко торчала подаренная банка водки, а вокруг теснились небрежно, с зазубринами, вскрытые банки консервов и прочая немудреная армейская закуска – невесть откуда взявшиеся свежие парниковые огурцы, колбаса, толсто нарезанное размякшее серое сало, крохкий хлеб из полевой пекарни...

Поначалу Миша отреагировал на это вполне спокойно – ну что такое 0,33 на четверых здоровых мужиков, да еще при такой закуси? Но, как вскоре выяснилось, все получилось согласно известной шутке: «Сначала было пиво...». У вертолетчиков в «зачатке» нашлась изрядная фляжка чистого медицинского спирта... А команды на взлет все не было – как потом выяснилось, «борт» должен был по пути забрать из Ханкалы известного всей стране генерала (не будем вспоминать его имя всуе и беречь душевную рану), у которого накануне погиб единственный сын-офицер и который прилетал позаботиться о его останках...

Короче говоря, пока ждали команду, прикончили и спирт. Вертолетчики заметно захмелели, разговаривали громко, начали вспоминать эпизоды из службы... Михаил несколько раз пытался напомнить им, что они «за рулем», но те только безмятежно отмахивались и наливали еще.

– В воздухе ГАИ пока не придумали, – раскатисто смеялся Калюжный. – Не бойсь, пяхота, доставим вас в лучшем виде! На всю жизнь запомнишь!

И ведь действительно запомнил – разве такое забудешь...

В конце концов, команда на старт последовала. Лететь предстояло прямо в Моздок, к счастью, не залетая за генералом.

Что это был за полет!..

Вертолет мчался над самой землей, едва не задевая передним колесом за поверхность. Он резко перепрыгивал через оказавшиеся на пути лесополосы, отдельные деревья и линии электропередач, причем, перепрыгивал так, что, казалось, трещала хвостовая балка. Геликоптер вдруг падал с обрыва к самой поверхности Терека, когда эта извилистая, со множеством рукавов, река оказывалась на пути. А потом вдруг свечой взмывал в синее небо...

Журналисты негромко поругивали вертолетчиков, особо, впрочем, не переживая: считали, что подобным полетом темстят им за сорвавшуюся баню, свято веря при этом в их мастерство. И только Михаил, зная, сколько те «приняли на грудь», с замиранием сердца ожидал каждой их очередной выходки. А ну как что-нибудь не рассчитают в своих выражах!..

Нигде не ошиблись и доставили в Моздок и в самом деле в лучшем виде. Однако даже теперь, в жарко натопленной бане, и то Михаил почувствовал, как по телу прошелся холодок от тех давнишних воспоминаний.

...В конце концов поддался и этот узел. Соломатов скинул второй ботинок. С удовольствием стянул жесткие носки и безжалостно швырнул их в угол, где валялись какие-то

тряпки. Предвкушая нынешнюю помывку, он специально зашел в магазин и купил пару новых. Наслаждаясь, пошевелил освободившимися от обуви грязными пальцами ног – за последние дни пришлось немало помотаться, а помыться все не удавалось.

И вдруг принял решение:

– А, ладно, уговорил, была не была, плесни и мне чуток.

– То-то же! – засмеялся Калюжный. – А то девочку нецелованную строит...

Он уже взялся за фляжку, когда дверь в предбанник распахнулась и в проем всунулась голова в форменной фуражке с «крылышками» на высокой тулье и жетоном дежурного на груди.

– Калюжный, Костя! Ты здесь?.. – обрадовался появившийся. – Хорошо, что я тебя нашел... Срочно на взлет!

– Чего? – летчику настолько не хотелось выбираться отсюда, что он решил понадеяться на то, что ослышался. – Мне же сегодня выходной дали – подмыться-подбриться!.. Ты же знаешь!

– На вылет! – перебил его дежурный. – Там что-то серьезное стряслось... Каких-то генералов раздолбали, – матюком разъяснил он ситуацию.

Голова дежурного исчезла. И только тогда Калюжный разразился длинной тирадой отборных ругательств.

– Опять из-за тебя баня срывается! – с досадой сорвался он на Михаила.

Какие-то генералы, которых где-то кто-то раздолбал, были, во-первых, далеко, а во-вторых, они были понятием отвлеченным, абстрактным. А друг, на котором можно сорвать злость – вот он, рядом сидит.

– Я-то тут при чем? – ошарашенный несправедливым обвинением, уставился на Константина Соломатов.

– А-а, при чем, не при чем... – махнул рукой вертолетчик и принялся натягивать комбинезон прямо на влажное от пота тело. – Как с тобой свяжешься, так обязательно баня сорвется, – уже более миролюбиво, стараясь придать голосу шутливые интонации, ворчал он. – Одно слово – пяхота...

Михаил, вздохнув, тоже принялся торопливо надевать свой «камуфляж».

– У сильного всегда бессильный виноват... – процитировал он по памяти дедушку Крылова.

– Ты-то куда собираешься?.. Тебя-то эти дела вообще никаким боком не касаются, – с завистливой досадой продолжал ворчать Калужный.

– Да ну? – хмыкнул Михаил. – «Не касаются...», – язвительно передразнил он. – Да если я сейчас с тобой не полечу, ты ж меня потом вообще совсем с белу свету сживешь!.. Пошли, ас!..

Видя, что Константин влез в комбинезон быстрее, чем он натянул свой «камуфляж», ботинки Соломатов натянул прямо на босу ногу, без носков – старые, заскорузлые, надевать не хотелось, а новые, на невымытые ноги, жалко... Даже завя-

зывать шнурки не стал – просто небрежно заткнул их длинные концы за разлаписто оттопырившиеся берцы. Новенькие же, с необорванной еще этикеткой, носки так и остались дожидаться возвращения хозяина в предбаннике на лавке из обожженного дерева.

...Плохая примета, надо сказать...

Они выскочили из бани вместе.

– Не улетай без меня! – попросил Михаил друга. – Я только на КП заскочу...

Калюжный не ответил. Соломатов понял, что подождать вертолетчик его подождет, но только до разумных пределов – будет команда срочно вылетать, он полетит, специально для Михаила задерживаться не станет.

Константин поспешил к своему вертолету, стоящему на бетоне «рулежки» в общем ряду со своими трудягами-собратями «Ми-восьмыми». Свой аппарат он ласкательно называл «Ми-шкой» – и Соломатову было приятно думать, что тут прослеживается ассоциативная связь с его именем...

Михаил быстрым шагом, едва не бегом, направился к башенке командного пункта с застекленным «фонарем» наверху. Нужно было точнее узнать, что же стряслось такое, что поднимают в воздух именно Калюжного. Здесь выходных как таковых не бывает, но время от времени летчикам, да и не только летчикам, всем офицерам давали отдохнуть – сходить в баню и побаловаться спиртным. И вызвать с такого полуофициального выходного человека могли только по

причине очень актуальной.

Соломатову же быть в курсе происходящего полагалось по должности. Особенно если информация о разгромленной колонне и в самом деле верна – мог ведь дежурный и при-
врать что-нибудь, чтобы поторопить Калюжного, или сказать что-то не в полной мере соответствующее действительности, не разобравшись толком в ситуации...

На КП он сразу ткнулся в дверь с биркой «Посторонним вход воспрещен». По большому счету, Соломатов был здесь абсолютно посторонним. Однако его знали хорошо, а потому запретов для него не существовало.

В двери он столкнулся со знакомым офицером.

– Ты Калюжного не видел? – озабоченно спросил тот. – Его тут ищут...

– Он уже в «вертушке», – сообщил Михаил. – Его из бани вызвали, – счел нужным добавить он.

– Что значит быть лучшим летчиком полка... – с непонятной интонацией обронил знакомый и хотел уже идти дальше.

– Так что там стряслось-то? – остановил его Соломатов.

– Какие-то боевики на перевале Халам-Самбулак колонну вдребезги расхреначили, – покосившись на разномастную группу военных, толпившихся возле окошка диспетчера по полетам, негромко сказал тот. – А там – одни генералы... Море крови, куча трупов...

– Понятно...

Офицер кивнул и поспешил по своим делам. Михаил во-

шел в комнату дежурного. Собираясь в баню, он оставил здесь на хранение свой автомат.

По большому счету, оружие, тем более автомат, ему в командировке было абсолютно не нужно. Однако приказ есть приказ – в эти края летать только с личным оружием. Ну а коль уж прилетел со «стволом», никуда не денешься, приходится таскать его все время с собой. Особенно когда садишься в «вертушку», автомат нужно обязательно забирать – неведомо, куда вертолет полетит дальше, какую задачу получит экипаж по ходу дела. Вертолет – дело такое: можно вылететь на час куда-нибудь в соседний гарнизон за полсотни километров, а потом оказаться за тридевять земель и пробыть незнамо где невесть сколько времени. Направят в какой-нибудь Беташ-Юрт, и сиди там несколько суток, дергайся, переживай, что там с оружием!..

– Где Майданов? – спросил Михаил у дежурного, пока тот возился с замком сейфа, в который сунул укороченный «Калашников» Соломатова.

– На вылете, – отозвался тот. – Он по связи и сказал Косте лететь.

– Понятно...

Николай Майданов был старинным, еще по Афгану, знакомым Михаила. Здесь, в Моздоке, он командовал полком вертолетчиков. Невысокого роста, крепкий и подвижный красавец, Николай вообще был личностью уникальной. Еще за Афганистан он получил звезду Героя. В первую чеченскую

кампанию оттарабанил на Кавказе по полной программе. Когда Басаев с Хаттабом вторглись в Дагестан, он был уже там. Именно Майданов сумел сделать то, что до него не удавалось никому – Николай на своей старенькой «восьмерке», на внешней подвеске, смог поднять в горы на немыслимую высоту гаубицу, чем по сути спас засевших там десантников...

«Если бы Коля был здесь, он бы полетел сам», – расценил ситуацию Михаил⁵.

Но так как командира на месте не оказалось, лететь пришлось Калюжному – и в самом деле лучшему (после командира?) вертолетчику полка.

– Ладно, все, пока...

Соломатов схватил автомат, прицелкнул магазин и торопливо направился к выходу.

– Давайте, ни пуха... – напутствовал дежурный.

– К черту!

Еще издалека было видно, как медленно пошли по кругу лопасти несущего винта вертолета Калюжного. Хорошо, что Михаил знал, где именно тот стоит – с тех пор, как «вертушки», исходя из интересов секретности и безопасности, обезличили и на них перестали крупно рисовать номера «бор-

---

⁵ И полетел бы, в этом нет сомнения. Полковник Николай Майданов погиб в то время, когда данная книга была в работе – в конце января 2000 года. Он прилетел на помощь пограничникам, оседлавшим Цумандинское ущелье. Там и получил смертельное ранение. Вечная ему память!.. Только здесь мы о нем будем говорить как о живом, пусть простят нам его родные, если тем самым мы берем их раны.

тов», распознать их на расстоянии стало намного сложнее.

Только бы не улетел!..

Соломатов знал, что на подготовку двигателей вертолета к запуску, на их прогрев требуется какое-то время. Причем, для Ми-8, на котором летал Калюжный, этого времени требуется меньше, чем, скажем, для Ми-24, которого невесть за что окрестили «крокодилom». Но знал Михаил и другое – в случае внезапного тревожного вылета время подготовки можно несколько сократить. Понятно, что это нарушение инструкций, ну да только, как пелось в старой песне, «я жизнь живу не по учебникам...». Понимая это, Михаил побежал по кочковатому, покрытому выгоревшей травой и сухими шарами перекасти-поля, замусоренному полю к «вертушке», винты которой уже слились в размытые мельтешащие диски. Над полем пронесся хлопающе-ниспадающий звук – машина была готова взлететь в любое мгновение.

Лесенка-трап была еще в пазах, борттехник стоял в проеме открытой дверцы, кричал что-то неслышимое за ревом двигателей и нетерпеливо махал рукой. Михаил и без того бежал уже из последних сил. Без разминки, по неровному полю, в хлюпающих незашнурованных ботинках на босу ногу, с автоматом в руке – к такому спурту он явно готов не был.

Добежав до вертолета, задыхающийся Михаил попытался с ходу взбежать по трапу. Но сил на это у него уже не осталось. Нога соскользнула со ступеньки и Соломатов с размаху

упал, больно ударившись локтем о металл лесенки. Автомат отлетел в сторону и, звонко срикошетив от стойки колеса, шлепнулся в пересохшую траву.

– А-а, черт бы тебя побрал! – заорал раздосадованный внезапным вылетом, а потому очень злой борттехник.

Он одним махом спрыгнул на землю, подхватил автомат, помог подняться Михаилу и довольно бесцеремонно впихнул его в открытый проем. Взобравшись сам, с досадой швырнул укороченного «Калашникова» на небрежно свернутый валяющийся на ребристом полу брезент. После этого ловко выдернул из пазов лесенку-трап, втащил ее внутрь. Дальнейшее произошло одновременно: машина резко, с места, без обязательного контрольного зависания, пошла вверх, а борттехник начал закрывать дверь в разверзшуюся у него под ногами пропасть. Одно неудачное движение – пилота ли, борттехника или порыв ветра качнет вертолет – и прапорщик мог выпасть наружу...

Насколько же они все доверяют друг другу, – невольно оценил задыхающийся после пробежки, Михаил. Все: и Калюжный, и борттехник, имени которого Соломатов не знал, и правый пилот, которого звали Евгений, и... вертолет. Воистину – одна команда.

Константин обернулся через плечо со своего места, призывно махнул ему рукой. Михаил, все еще тяжело дыша, поднялся и, придерживаясь за переборку, подошел к летчику. Уже застопоривший дверь борттехник стоял рядом.

– Чемпиён! – насмешливо прокричал Калюжный, подражая неподражаемой героине «Покровских ворот» Маргарите Хоботовой. – Как бок? Побаливает?.. Это аппендикс...

– Иди к черту!

Все трое вертолетчиков довольно захохотали.

Михаил освободил проход борттехнику и уселся на левое место, между закрытой дверцей и огромной желтой бочкой с топливом. Выглянул в иллюминатор. Под брюхом вертолета быстро уплывали назад коробочки домов, утопающие в густой зелени садов. Промелькнули Терско-кумский канал, щебеночный карьер с замершим на дне экскаватором, широкая пойма извилистого, текущего несколькими руслами, Терека, железная дорога, шоссе со снующими туда-сюда машинами...

Моздок с хорошо видной отсюда телевышкой остался слева. Геликоптер мчался строго на юг.

Где-то там, на перевале горной дороги, попала в засаду колонна... Как они умудрились так классно подставиться, эти наши доблестные генералы?.. Какие умные головы готовили их поездку, если информация о ней перестала быть секретом для боевиков с таким временным запасом, что те успели организовать засаду?.. Не иначе, как их кто-то «заложил»... Кто? Кто знал об этой поездке?.. Похоже, предстоит серьезное разбирательство. Михаил к нему отношение будет иметь весьма опосредованное, конкретно этим случаем станут заниматься его местные коллеги, однако... Однако факт оста-

ется фактом: уже не в первый раз появляются серьезные основания подозревать, что из авиагарнизона происходит утечка секретной информации.

Впрочем, сначала нужно разобраться, что там и в самом деле произошло.

...Поначалу Константин вел машину над дорогой. Она, эта дорога, поражала отсутствием на ней движения.

Рассказывали, что ее сразу после войны, той, Великой, построили немецкие военнопленные. Построили как временную – первоначально она была рассчитана лет на десять эксплуатации. Однако сказалась немецкая добросовестность – дорога практически без ремонта обходилась почти сорок лет. Да и в дальнейшем здесь достаточно было лишь регулярно кое-где подсыпать щебенки... Так и делали, не считаясь с тем, что щебень брали на территории одной республики, а рытвины засыпали на территории другой – при советской власти все это было понятиями более чем относительными... Ну а потом пришли оголтелые товарно-денежные отношения. И дармовой щебень просто так отсыпать друг другу перестали, потребовали платить. Не помогли аргументы, что, мол, у соседей нет щебеночного карьера, что дорога позарез необходима обеим республикам, что они обе входят в состав России, что так было всегда, что соседям надо помогать...

Так и заглохла дорога – теперь по ней лишь изредка ездили, подпрыгивая на рытвинах, военные машины. Ну а трасса,

по которой не ездит транспорт, выходит из строя куда быстрее, чем та, которая эксплуатируется на полную катушку.

Странное дело, если разобраться. В стране, где еще полтора-два десятилетия назад поэт писал, что «вязнут спицы расписные в расхлябанные колеи», и в которой поныне хорошие дороги в дефиците, мы позволяем себе роскошь терять уже имеющиеся трассы. На всю территорию государства, занимающее самую большую площадь в мире, у нас имеется всего 87 тысяч километров железных дорог и полмиллиона километров автомобильных, из которых всего 330 тысяч с улучшенным покрытием, в отличие от остальной Европы, где протянуто 156 тысяч километров железных дорог и 4 миллиона автомобильных. Вот такая арифметика-с... Воистину следует задуматься, кто мы: не то Евразия, не то Азиопа...

На ней-то, на этой полузаброшенной трассе, и поджидали «мстители ислама» московскую инспекцию.

...С высоты полета было хорошо видно, как прямая дорога, втягиваясь в предгорья, приноравливаясь к природному рельефу, начала причудливо петлять. Константин потянул на себя ручку шаг-газа, поднимая вертолет повыше. В горах, где прячутся боевики, для вертолета это чревато неприятностями – с любого склона может стартовать ракета, у которой шансов попасть в летящую тихоходную машину тем больше, чем та поднимется выше. Однако Калюжный решил, что в данном случае риск не только оправдан, даже необходим – чтобы не выписывать все замысловатые кривые дороги

в поисках места, где произошла трагедия, лучше подняться вверх и попытаться разглядеть шлейф дыма, ориентируясь в дальнейшем по нему. А в том, что такой шлейф будет, он не сомневался – слишком много довелось повоевать, чтобы знать, как выглядит с высоты место, где автоколонна попадает в засаду.

Борттехник обернулся в салон, выразительно показал Михаилу на висящую на тросе «сбрую» – ремни, к которым при случае можно быстро прицепить парашют. Их, эти ремни надевают на себя заранее, чтобы потом, при опасности, одним движением карабинами прищелкнуть к ним лежащий под лавкой ранец с уложенным шелковым куполом на длинных стропях. Соломатов небрежно отмахнулся, мол, к чему все это – на самом деле не хотелось признаваться, что он не умеет облачиться в это устройство самостоятельно. Между тем Михаил знал, что если неправильно надеть «сбрую», в момент раскрытия парашюта от резкого рывка ремни могут попросту отщипнуть мужское «хозяйство»... Нет уж, лучше разбиться, чем стать транссексуалом (или безсексуалом?) поневоле.

...Вскоре и в самом деле далеко впереди стал виден черный колышущийся дымный султан – так чадят горящие ска-ты.

– Вижу дым, – сообщил он на базу. – Квадрат 34–92, по «улитке» 6... Или 9... Короче, на самой верхотуре перевала.
– Вас понял. Будь на связи, Костя.

– Да куда ж я от тебя денусь...

Вскоре достигли места расстрела. Вертолет на своем стремительно вращающемся винте завис немного в стороне от места побоища – близко подлетать не стали. Прежде всего, так лучше видно; а потом – на поле боя обязательно должны быть какие-нибудь следы бандитов, а потоки воздуха от лопастей могут их разметать, засыпать.

Даже с такого расстояния было видно, что бой тут произошел нешуточный. Ошметки вдребезги растерзанного «уазика» уже лишь слегка курились дымком; зато «газон» продолжал полыхать. Кое-где лежали обгоревшие трупы.

– Сволочи... – процедил сквозь зубы Калюжный.

– А что ж ты хочешь? Война, ё-мое, – философски заметил борттехник. – Сегодня ты, завтра тебя... – И спросил: – Что дальше делаем?

– В погоню, – решительно сказал командир. – Здесь мы все равно ничего уже не сделаем, сюда «броня» идет, там они сами без нас разберутся...

Он слегка повел ручку от себя. Висевший над полем боя вертолет поплыл над дорогой дальше.

– Где их искать-то? – проворчал Евгений – правый пилот. – Здесь в горах им спрятаться – как два пальца оросить.

Борттехник уже держал перед ними развернутую на нужном месте полетную карту.

– Здесь прятаться они не будут, – раздумчиво сказал Калюжный. – Знают ведь, что скоро тут все оцепят и начнут

проческу. Значит, они должны рвать когти. Но куда?

– Как куда? – переспросил борттехник. – Конечно, к границе Чечни! Там и постараются укрыться, ё-моё!..

– Если они дураки, конечно, так и сделают, – согласился Константин. – А если нет?

– То есть как это нет? – для борттехника это было слишком мудрено. – А куда же еще? Тут всего-то и вариантов: по дороге назад, на Моздок, вперед на Назрань...

– Да очень просто, – нетерпеливо перебил его Константин. – Если они дураки, просто рванут в сторону границы, да и вся недолга – благо, тут мандех проходит...

– Какой мандех?

– Мандех – это высохшее русло реки, которая тут текла хрен знает когда... Старица, если по-русски. Не перебивай, вот он, – Константин показал висящим перед ним на пружинистом шнуре карандашом прерывистую черточку, прорезающую густую коричневую паутину гор. – Если же они не конченные дураки, то поймут, что мы поднимем вертолеты, которые начнут их искать в первую очередь именно в этом направлении...

– Вон и ответ на твои мудреные умозаключения, – перебил рассуждения Калюжного Евгений, показывая пальцем вниз.

Там на обочине дороги отчетливо были видны ребристые следы автомобильных покрышек, ведущие с дороги именно в сторону мандеха.

– Значит, дураки, – немного разочарованно протянул Константин.

В самом деле, всегда приятно придумать что-либо нестандартное, оригинальное, а потом получить подтверждение своей прозорливости.

– Ну что ж, пусть будет хуже для них, – сказал он и решительно повернул машину налево.

Теперь вертолет мчался сквозь горы, ориентируясь по серой каменистой ленте, змеящейся среди холмов. Протекавшая здесь в незапамятные времена вода проторила себе путь и тщательно отполировала камни, служившие ей ложем. И они теперь четко выделяются на фоне зеленовато-желтоватых “берегов” бывшей речки. Сбиться с пути при таком ориентире было попросту невозможно. Это чуть южнее, ближе к Большому и Боковому Кавказским хребтам, таких промоин становится больше и они редко бывают сухими – здесь, в отрогах хребта Пастбищного, мандех – надежный поводырь.

– Достанем, – уверенно проговорил Калюжный. – Как пить дать, достанем...

– Лишь бы они по пути где не свернули, – с сомнением проговорил правый.

– Раз к границе рванули, значит, не свернут, – возразил Константин. – Раз к границе свернули, значит, на скорость своей машины надеются.

Вертолет мчался над глубокой промоиной между двух высоких скально-холмистых склонов.

– «Полета второй», ответь «десятому», – раздалось в наушниках.

«Десятый» – позывной Майданова. Сегодня утром он улетел, кажется, куда-то в Дагестан. Так он что, уже вернулся, что ли? Или оттуда вызывает?.. Впрочем, командиру подобные вопросы не задают...

– Я «полета второй». Слушаю вас, – отозвался Калюжный.

– Здравствуй, Костя! – раздалось в наушниках. – Доложи обстановку.

– Добрый день, если он, конечно, добрый, – подчеркнуто буднично хмыкнул в ответ Калюжный, намекая на отнятый у себя выходной, и заговорил четко: – Преследую машину бандюков. Они уходят в сторону границы... Я их достану, командир, – прервал свой доклад Константин.

– Достанешь – не достанешь... Четко доложи, где ты находишься!..

– Вон они! – ткнул пальцем вперед правый.

Впереди действительно показалась легкая дымка, шлейфом поднимавшаяся из-за холма.

– Мы их нагнали, командир, – быстро доложил Калюжный. – От места боя строго на восток километров тридцать-сорок... Все, командир, атакуем!..

Он отключился.

И в следующий миг под вертолетом открылась низина, из которой струилась пыль.

– А, черт!..

Под брюхом геликоптера в панике разбежалась большая отара овец. Чабан в лохматой папахе стоял и смотрел вверх, прикрыв глаза от солнца сложенными козырьком пальцами руки. Вокруг отары метались несколько больших лохматых собак, стараясь сбить в кучу перепуганных подопечных травоядных.

...Убегающую машину они увидели через несколько минут – сразу все одновременно. Подпрыгивающий на камнях открытый джип мчался по промоине. Все трое пассажиров встревоженно смотрели в сторону вывалившегося из-за гор вертолета. Только водитель лишь оглянулся вверх и опять припал к «баранке». В кузове навалом лежали какие-то черные тюки.

– Будем останавливать! – крикнул Калюжный.

Он откинул предохранительную скобу и приготовился дать залп ракетами.

– Да ну их на хрен! – сказал борттехник. – Долбануть прямо по ним – да и вся недолга. А то возись потом...

– Сказал же: будем брать!

Распушив огненные хвосты, несколько ракет устремились вперед. Далеко по ходу движения машины взметнулись разрывы.

В ответ один из боевиков поднялся с места, схватил пулемет, примостил его на дуге, выгнувшейся над сиденьями, и открыл огонь в сторону нагнавшего беглецов вертолета. Понятно, ни о каком прицельном огне в этих условиях не мог-

ло быть и речи: машина подпрыгивала, петляла, объезжая ухабы и рытвины, сам пулеметчик вынужден был стоять согнувшись, в неудобной позе, левой рукой держась за ту же дугу... Однако любой человек, хоть изредка имеющий дело с оружием, тем более побывавший на войне, хорошо знает, что такое «дурная пуля» – в самой спокойной обстановке самый лучший снайпер может неожиданно промахнуться, зато в самой невероятной ситуации сделанный наугад выстрел человека, впервые взявшего в руки оружие, может для кого-то стать роковым. Кроме того, когда в тебя стреляют, чувствуешь себя очень неудобно, даже если и знаешь, что вероятность того, что «поймаешь» пулю, мизерная...

– По ним, Костя! По ним!..

– Будем брать, я сказал!..

Вертолет промчался над головами бандитов и заложил крутой вираж. Борттехник услышал сзади знакомый звук. Он оглянулся. Сзади Михаил, распахнув дверь и навалившись грудью на откинутую турель, короткими очередями стрелял из своего укороченного автомата куда-то вниз. Стрелянные гильзы вылетали из-под затворной рамы и, срикошетив от передней стенки салона, раскатывались по полу.

– Пристегнись! – крикнул ему борттехник. – Слышишь? Вывалишься, дурак...

Михаил нетерпеливо отмахнулся.

– Что там? – спросил слившийся с ручкой шаг-газа Калужный.

– Твой друг в стрельбе упражняется, – насмешливо отозвался борттехник. – А «сбрую» не надел...

Константин выругался.

– Тогда надо поосторожнее... – подхватил правый. – А то еще вывалится, дурак...

– Так ведь и я о том же.

Михаил и в самом деле едва не вывалился из машины, когда она, оставив сзади отстреливающийся автомобиль, круто завалилась на бок для второго захода. Все же пристегиваться страховочным фалом при открытой двери необходимо. Вот он – обшитый потрепанным дерматином пояс на тросике – висит на передней панели. Да только возни с ним сейчас, когда вертолет опять заходит на цель...

– Сдаются!..

Борттехник мог бы этого и не кричать. Калюжный с правым пилотом уже и сами видели, что джип резко остановился и бандиты, бросая оружие и показывая, что больше не собираются сопротивляться, начали выбираться из машины.

– То-то же, суки! – удовлетворенно проговорил прапорщик. – Обделались со страху-то, ё-моё...

– Мало нас... – озабоченно отозвался Калюжный.

– Так я ж и говорил: «замочить» их нужно было сверху, да и все! – охотно подхватил борттехник. – При попытке к бегству и за оказание сопротивления...

У Константина и у самого было сильное желание дать залп по бандитской машине и тем самым разом избавиться от

всех проблем. Но только он, как командир, не имел права так поступить. Он понимал, что бандитов нужно обязательно «повязать», что их обязательно должны допросить «где положено». Потому что такой налет «чечики» сами, без помощи кого-то из местных, работающих, скорее всего, либо на самой базе, либо в «силовых» структурах, совершить не смогли бы. Ведь даже о самом существовании «генеральской» колонны, о маршруте ее движения, о времени выхода – слишком о многом должны были заблаговременно быть проинформированы бандиты, чтобы успеть так классно подготовить засаду. Все это нужно обязательно выведать у пленных.

Кроме того, командир прекрасно помнил, что сзади, в салоне вертолета находился Михаил. А при нем руки Константина оказывались в значительной степени связанными. Потому что тот являлся сотрудником военной контрразведки. «Особистом» по-старому или, как их за глаза называют в армии, «молчи-молчи». Конечно же, если бы джип таки расстреляли, Миша подтвердил бы, что бандиты пытались отстреливаться. Однако он вынужден был бы сказать и то, что Калюжный не использовал все возможности для того, чтобы захватить их в плен живыми. Тем более, что теперь они подняли руки вверх, сдавались.

– Я остаюсь в машине, прикрою вас если что... А вы трое давайте все вместе к ним, – приказал Константин. – Страхуйте друг друга, свяжите уродов...

– Да ладно, не переживай, «дюдики» тоже посмотрим и читаем... – отозвался Евгений, выдергивая из крепления свой автомат. – Пошли! – сказал он бортехнику.

Тот уже в предвкушении приключений возбужденно топтался в салоне.

Едва вертолет завис, коснувшись одним колесом склона, прямо из его чрева, без стремянки, на землю спрыгнули трое – Михаил, бортехник, правый летчик. Все трое с автоматами, они направились к замершим возле джипа троем бандитам. Шли быстро, стараясь поскорее отойти от вертолета, который упруго гнал винтами воздух.

Трое на трое... А ведь бандиты тоже вооружены, они не могут не понимать, что расстрел колонны им не простится... Правда, они не знают, что в «вертушке» остался всего лишь один член экипажа... Тем не менее, нужно с ними уху держать остро – опыта воевать на земле, с использованием стрелкового и холодного оружия, у них несравнимо больше, чем у воинов небесного или бойца невидимого фронтов.

– Ты отойди чуть в сторонку, – громко, чтобы перекрыть рев двигателей, показал рукой правый Михаилу. – Страховать нас будешь.

Тот предпочел бы более активную роль, однако теперь было не до препирательств.

– Понял.

Винты геликоптера мощно гнали воздух, заставлявший всех троих пригибаться и стремиться поскорее отойти от

винтокрылой машины. Впрочем, это продолжалось недолго – едва вертолетчики и особист оказались на земле, «Мишка» оторвалась от поверхности и, приподнявшись, отплыла чуть в сторону, зависнув над густыми зарослями колючего кустарника. Оттуда, с высоты в несколько метров, Калюжный страховал действия товарищей. Удерживать вертолет в таком положении и управлять одному непросто, однако Константин рассудил, что так будет правильнее – держать под прицелом бандитскую троицу с высоты.

Соломатов отошел чуть в сторону. Вспомнив, что стрелял из вертолета, он быстро поменял в автомате «рожок». В старом еще оставались патроны, но лучше на всякий случай иметь полный... Это закон боя.

Вертолетчики направились к бандитам.

– Отойдите от машины! – скомандовал борттехник, показывая направление стволом автомата. – Шевелитесь, суки!..

Возле автомобиля лежали брошенные боевиками автоматы и пулемет. Оружие могло оказаться и в самой машине. Так что лучше было отвести их подальше от соблазна. Каландар с подручными беспрекословно подчинились требованию – они отошли от машины в указанном направлении шагов на пять и замерли с поднятыми руками, преданно глядя на стоящих перед ними вертолетчиков.

– Раздевайтесь! – опять скомандовал борттехник.

– Зачем? – удивился Каландар.

Это было первое слово, которое произнес кто-нибудь из

бандитов после того, как они вынуждены были остановиться.

– Чтобы у вас оружия не осталось, – снизошел до объяснений вертолетчик. – Раздевайтесь, я сказал!

Каландар первый, а за ним и оба подчиненных начали стаскивать с себя разгрузочные жилеты, «камуфляж»...

Что-то было не так. Что-то происходило совсем не так, как должно было бы происходить.

Соломатов смотрел на то, как спокойно, без заметного волнения раздеваются бандиты. У каждого и в самом деле оказались спрятанные в одежде пистолеты и кинжалы – а они особого беспокойства не проявляют!

– Вот-вот, ё-моё, я так и знал!.. – довольный своей прозорливостью, между тем коротко хохотнул вертолетчик. – А теперь – еще десять шагов назад!..

Бандиты переглянулись между собой. Один из них, очевидно, старший, чуть кивнул головой. Полуголые люди дружно попятились к скале.

Они с готовностью попятились!.. Что-то не так...

А как бы ты сам, Михаил, поступил бы, окажись в подобной ситуации? Я бы...

Погоди-ка!..

Михаил вдруг отчетливо вспомнил, как он стрелял по прыгающему на камнях джипу. В машине тогда было ЧЕТ-ВЕРО бандитов – водитель, один человек возле него, один стрелял из пулемета и еще один рядом с ним на заднем сиденье! Если бы в кого-нибудь из них попала пуля, его тело

осталось бы в машине. А тут – дверцы джипа открыты и видно, что на сиденьях никого нет. И эти трое так спокойны, будто ждут чего-то, будто знают, что их вот-вот освободят...

Значит, этот четвертый из машины выпрыгнул! Выпрыгнул в тот момент, когда вертолет, промчавшись мимо огрызающейся огнем машины, разворачивался над горой и на какое-то мгновение потерял ее из вида. И этот четвертый... Этот четвертый сейчас сидит в кустах и целится в «вертушку»!

– Ложись! – заорал Михаил. – Не оборачиваться!..

Подчиняясь неожиданной команде, на землю рухнули все – и вертолетчики, и бандиты. Сам же Михаил повернулся к кустарнику и длинной очередью, веером прошелся по зарослям. Он не надеялся попасть в бандита – ему нужно было отвлечь боевика от вертолета, вызвать огонь на себя.

И он этого добился.

Михаил не успел расстрелять магазин, как из кустов в него ударила очередь. Боевики любят стрелять трассирующими пулями. И теперь было видно, как вылетающие из «зеленки» стремительные, едва заметные в солнечных лучах, светлячки один за другим гаснут, впиваясь в тело Михаила. Он даже несколько мгновений не мог упасть – пробивающие его насквозь пули подбрасывали тело, словно поддерживая его на весу.

Огонь прекратился внезапно.

– Ёбньт, Шайтан забери твою душу! – сразу на двух язы-

ках выругался сидевший в кустах бандит.

Поддавшись на провокацию русского, он потерял время и раскрыл себя. Умом-то он понимал, что тот попасть в него не может. Но это он понимал сейчас, когда что-то переиграть было уже поздно, а в первый момент, когда понял, что стреляют именно в него, отвлекся от вертолета и ответил огнем. Между тем вертолет в тот момент уже прочно сидел у него на «мушке»...

Бандит опять вскинул автомат и взялся за ручку подствольного гранатомета. Однако Калюжный не случайно считался лучшим вертолетчиком полка – иначе его не стали бы выдергивать из бани; реакция у него была, как говорится, будь здоров!.. Увидев, что происходит внизу, даже еще не осознав всей трагедии происшедшего, Константин едва не рефлекторно мгновенно увел вертолет на вираж. Так и получилось, что в момент, когда бандит спустил курок, машина резко ушла с прицела и граната «подствольника» взорвалась, ударившись в скалу далеко в стороне от цели.

– Ёбнть! – в полный голос заорал боевик, понимая, что теперь, после неудачного выстрела, он обречен. – Почему им так везет?..

Он прекрасно понимал, что зарядить в подствольник новую гранату не успеет. Однако сунул руку в подсумок за ВО-Гом.

Между тем вертолет мгновенно развернулся...

Со стороны это выглядело эффектно. И страшно.

Бока вертолета вдруг вспушились черно-огненными сполохами пуска неуправляемых ракет. Часть кустарника, где укрывался выпрыгнувший из машины боевик, вскипела обширным буруном разрывов. С такой высоты, под таким углом, с такого расстояния... Так стрелять нельзя. Но правила пишутся для полигонов – тот, кто свято придерживается их в бою, побеждает редко...

Первыми опомнились бандиты – все же они знали, что их товарищ должен что-то предпринять, для них фактор неожиданности играл роль в значительно меньшей степени.

Полураздетые, они, сначала Каландар, а за ним остальные, вскочили и бросились к оружию, которое побросали возле джипа.

...По сути вертолетчиков спасло лишь то, что они боевиков заставили так далеко отойти от их оружия...

– Стоять, гады!..

Это крикнул борттехник. Он, увидев движение врагов, еще не осознав, что произошло у него за спиной, столь же рефлекторно приподнялся, вскинул автомат и коротко нажал на спусковой крючок. Он стрелял не прицельно, просто в сторону рванувшихся к оружию бандитов. Но не попал ни в одного. Это только в кино бывает, что стрелок навскидку разит всех налево и направо... Да и не стремился он кого-то подстрелить... Услышав выстрелы, а возможно и свист пуль возле ушей, бандиты вновь рухнули на землю.

– Лежать, суки!.. – орал борттехник. – Всех замочу!..

Только теперь он позволил себе обернуться. Сзади на камнях лежал Михаил; даже одного взгляда с такого расстояния было достаточно, чтобы понять, что он мертв – настолько тело было истерзано пулями. Из зарослей кустарника кучерявился столб дыма, сквозь который кое-где коротко прорывались языки огня. И с неба опускалась грязнозеленая туша вертолета с закопченной бордовой звездой на борту.

– Встать!

Это уже скомандовал правый пилот. Полуголые люди, подняв руки, начали подниматься. Теперь в поведении бандитов отчетливо стал проглядываться страх. Потому что теперь они и в самом деле оказались пленными. И их судьба, даже сама жизнь с этого мгновения находятся в руках оставшихся людей, у которых только что погиб товарищ.

Слишком многих они сами убили, чтобы рассчитывать теперь на милосердие.

– Теперь нам звездеч, – сумрачно прокомментировал ситуацию Каландар.

– Может, обойдется? – с нескрываемым страхом произнес щуплый водитель.

– А у нас обошлось бы? – зло оборвал третий. И тоскливо добавил: – Елинский Шанияз... Это он все подстроил...

Каландар ошеломленно молчал. На какое-то мгновение он даже забыл о том, что стоит под дулами автоматов, что только что был убит один из русаков, что в любой момент их могут расстрелять... Ведь и в самом деле, получается,

что Хамлаев их классически подставил. Вертолетчики и в самом деле должны были первым делом устремиться к границе, потому что любой нормальный человек устремился бы туда же... Зульфагар просчитал ситуацию и подставил его, дурака Каландара, его команду, под удар вертолета. И он, старый опытный пройдоха Каландар, так легко купился!..

– А, гад!..

Каландар выкрикнул эти слова так громко, что их услышали все.

– Еще слово – и тебе кранты! – рявкнул принявший восклицание на свой счет борттехник. – Понял, гнида?

– Все-все, молчу, командир...

Теперь Каландар думал только об одном: лишь бы их не расстреляли на месте, тогда будет шанс остаться в живых. Ну а из «предварилочки», где бы она ни находилась, Аргун его вытащит – у него, известного в России криминального «авторитета», для этого возможностей вполне достаточно. В крайнем случае обменяет его на кого-нибудь – благо, в зинданах у него содержится вполне достаточно пленных... Если, конечно, захочет – Аргун тот еще деловар, его логику хрен просчитаешь... Да только теперь надеяться можно только на него, больше не на кого. Гнида Шанияз, так подставил, а еще кличку «Зульфагар» себе взял... Плохо, что идиот Салман замочил этого русака, ох, как плохо... Кретин, сбил бы «вертушку» вместо этого – все теперь было бы по-другому...

Каландар лихорадочно думал, что предпринять, чтобы их

не расстреляли на месте. Однако ничего не придумывалось. Оставалось уповать только на Аллаха. Неужто ж он не придет на помощь его верным моджахедам, идущим по пути джихада?..

Ведь сказано же Пророком:

*Те ж, кто уверовал и испытал изгнание,
И на пути Господнем вел борьбу,
В том есть надежда на Господню милость —
Ведь Всепрощающ наш Господь и милосерд!*⁶

Ох, этот идиот Салман, Шайтан забери его душу в свои чертоги!

Чечня. Станица Хутор-Андреевский Ибрагим – банда – Малика

С глубокого синего неба ярко сияло солнце. Оно словно пыталось предотвратить кошунство, которое должно было вот-вот свершиться на земле.

Только не под силу светилу разобраться в человеческих делах...

– Не делай этого, Ибрагим!

– Это почему же?

– Не делай! – упрямо повторил старик. – Так нельзя...

---

⁶ Сура 2, аяат 218.

Ибрагим какое-то время молча смотрел на него.

Не то чтобы он вдруг засомневался в правильности того, что сейчас сделает. Вернее, не сам, конечно, а прикажет сделать подручным. Он не понимал другого: почему этот старик – чистокровный чеченец, пусть и не коренного, захолустного, тейпа! – пытается заступиться за русских. Его-то лично, старика-чеченца, каким боком касается все то, что сейчас здесь будет происходить?..

Со стороны они смотрелись словно иллюстрация к какой-нибудь пропагандистской газетной или журнальной публикации о контрастах жизни в Чечне. Просто, по-деревенски, одетый морщинистый старик в высокой смушковой папахе и поношенных мягких сапогах, с резной клюкой в узловатых натруженных руках, на которую он тяжело опирался – и высокий здоровенный сытый детина лет тридцати с небольшим в камуфляжной форме, весь увешанный оружием. За спиной старика робко теснились его односельчане, за жизнь и имущество которых он пытался вступить. А по краям центральной площади станицы стояли сподвижники Ибрагима – такие же сытые здоровяки в камуфляже, так же обвешанные оружием. Они откровенно тяготились затянувшимся диалогом своего главаря со старейшиной.

– Ладно, дед, кончай трепаться! – чувствуя настроение подчиненных, наконец произнес Ибрагим. – Ты мне надоел.

Старик тоже ответил не сразу. Он попросту не привык, чтобы с ним разговаривали в таком тоне.

– Здесь мои односельчане, – вновь заговорил старик – он все еще надеялся что-то доказать грозному пришельцу. – Мы всегда жили и работали дружно и вместе...

Он еще что-то пытался ему объяснить, говорить, что грабеж мирных жителей – это не по-мусульмански, что это противоречит исламу... Однако Ибрагим уже слушал его вполуха.

В толпе собравшихся сельчан он вдруг разглядел одну девушку. То есть девушек там было много. Но эта... Эта заметно выделялась среди всех своей красотой и статью.

Сейчас она станет его. А тут этот дед что-то бубнит и бубнит...

– Заткнись! – рявкнул на старика Ибрагим. – Как я решил, так и сделаю!..

Он попытался рукой небрежно отодвинуть деда в сторону. Тот не ожидал такой грубости и, зацепившись ногой за клюку, упал в дорожную пыль. Ибрагим равнодушно перешагнул через него и хотел направиться в сторону понравившейся ему девушки.

– Ах ты ишак облезлый!..

С неожиданным для его возраста проворством старик вскочил с земли и, размахнувшись, ударил Ибрагима клюкой по спине.

– Что такое?

Командир отряда практически не ощутил боли. Он даже не почувствовал себя оскорбленным. Он был попросту пора-

жен происшедшим. Его, сильного, даже всесильного в этих краях, Ибрагима, ударили!.. И кто! Какой-то немощный старик. Причем, ударил его чеченец! Один из тех многих стариков-чеченцев, за которых он, Ибрагим, и его люди борются с русскими свиньедами!..

Ибрагим повернулся к старику. И зловеще улыбнулся.

– О, да ты, кажется, торопишься попробовать вкус вина, которое течет в источнике Зем-зем⁷? – спросил он деда. – Ну так я тебе сейчас помогу...

Аксакал, увидев эту улыбку, попятился назад.

– Ты не посмеешь... – забормотал он.

– Это почему же?.. – ухмыльнулся бандит. – Ты только что на глазах у всех ударил моджахеда, слугу Аллаха на земле, человека, который осуществляет священный джихад... А ты что сделал для Аллаха? За гяуров заступаешься?..

Старика уже держали под руки двое молодых подручных Ибрагима.

– Так я, говоришь, ишак? Слугу Аллаха, идущего по пути джихада, ты назвал ишаком? – надвинулся на него Ибрагим. – Ну так ты сейчас будешь бараном! – Он кивнул подручным: – Зарезать его!

А сам повернулся к толпе сельчан. Он знал, что сейчас будет происходить за спиной – сколько раз сам проделывал

---

⁷ Ибрагим весьма вольно трактует соответствующие аяты Корана: текущие "в мусульманском Раю ручьи с вином и священный источник Зем-Зем – не одно и то же. Впрочем, это распространенная ошибка среди тех мусульман, которые плохо знают Коран.

такое же. И теперь ему куда интереснее было наблюдать за реакцией тех, кто никогда раньше воочию не видел, как режут человека.

Обводя глазами толпу, наблюдая за выражением глаз согнанных сюда людей, Ибрагим наслаждался зрелищем. Этот парализующий волю ужас, который буквально струится от каждого из зрителей, сливаясь в один мощный поток, превращает скопище людей в безвольное стадо! Каждая отдельная единица этого быдла сейчас думает только об одном: согласиться на все что угодно, лишь бы только не оказаться на месте этого старика. И в то же время едва ли не каждого из них сейчас можно точно так же зарезать – и лишь очень и очень немногие из них, случись такое, попытаются активно сопротивляться! Буквально единицы, если повести их на закланье, осмелятся оказать сопротивление!

Что значит быть одним из охваченной общим страхом толпы!..

Воистину, люди из толпы сродни баранам! Вот они стоят, их много, куда больше, чем моджахедов! Если сельчане сейчас бросятся на бойцов Аллаха, они сомнут их, даже несмотря на то, что те вооружены... Тем более, что у многих из согнанных на площадь имеется свое оружие – полностью разоружить чеченцев не сумела даже Советская власть. Однако они не бросятся! Каждый из них сейчас думает только об одном: пусть режут кого угодно, лишь бы не тронули меня!

И чуть позже, когда моджахеды будут ходить из двора во двор, когда будут отбирать деньги, еду, вещи, когда будут избивать и насиловать – даже тогда никто из этого стада не станет сопротивляться!.. Ладно, пусть не никто, кто-нибудь, несомненно, попытается вступить за свое жалкое имущество, за свою жену или девушку. Но это будут, во-первых, очень немногие, а во-вторых, сопротивляться станут не слишком активно, лишь для успокоения собственной совести, чтобы не довести моджахеда до желания тебя убить...

Ибрагим уже усвоил, насколько парализует волю к сопротивлению толпы такое вот демонстративное убийство одного из представителей этой самой толпы. Он и сейчас заранее планировал кого-нибудь убить. Правда, не старика-соплеменника... Ну да только тот сам напросился. Тем больше будут бояться его, Ибрагима!

В конце концов Аржи Эбиев в селе Первомайском Надтеречного района зарезал не просто стражинку – Селим-муллу! – и то ему все сошло с рук.⁸ А тут простой старикан!..

Аллаху акбар!

Обводя глазами толпу, Ибрагим думал еще об одном. Все собравшиеся охвачены ужасом. И вместе с тем никто из них не отводит взгляда от происходящего. Смотрят, как замороженные. Толпа!.. Испокон веку она таращится на убийство, ходит полюбоваться на казни. Толпа всегда осуждала пала-

---

⁸ Доподлинный факт.

ча, а сама наблюдала за тем, как человека сжигали на костре, как его до смерти забивали камнями, как его голову отсекали гильотиной... Все-таки есть что-то привлекательное в том мгновении, которое отделяет человека живого от человека мертвого!..

Между тем молодые бандиты ловко опрокинули старика на спину. Один из них выхватил из ножен большой кинжал. Остро отточенное, тщательно отполированное лезвие ярко блеснуло на солнце. Бандит чуть поводит им, стараясь направить блик в глаза жертве.

– погоди, – остановил его второй. – Он же мусульманин! Пусть помолится...

Они переглянулись. И поняли друг друга! Одно дело быстро, одним взмахом клинка, оборвать жизнь человека. И совсем другое растянуть этот процесс, довести жертву до того, чтобы она ждала роковой взмах кинжала едва ли не с облегчением.

– Что вы делаете? – раздался крик из толпы. – Остановитесь, мусульмане!..

– О! – довольно осклабился Ибрагим. – Кажется кто-то еще хочет попасть в руки моим мальчикам?.. Или кто-то желает заменить старика?.. Так это мы запросто!.. Ну давай, выходи сюда, если ты такой смелый!..

В толпе произошло какое-то движение. Очевидно, кто-то и в самом деле хотел выйти, однако его удержали. Ибрагим настаивать не стал – хватит убийства одного старика. Воз-

никнет необходимость – потом можно будет зарезать еще кого-нибудь. В конце концов, само по себе убийство не самоцель, а лишь средство достижения цели!

Да и вообще, убийство единоверца-соплеменника... Пусть он и ударил тебя... Все же законы шариаата...

Ибрагим ощутил, что у него в душе вдруг шевельнулось нечто... Нет, не раскаяние... Предошущение того, что он делает нечто такое, что не следует делать.

Но ведь не отступать же, в самом деле!..

– Ну чего вы тянете? – обернулся он на палачей.

– Да вот предложили ему помолиться, – ухмыляясь, отозвался один из них. – А он не хочет...

– Шакалы! – прохрипел старик. – Проклятие на вас!..

– Кончайте! – велел Ибрагим. – Пора братья за дело!

Оглядывая толпу, он опять увидел понравившуюся ему девушку. И теперь ему не терпелось поскорее затащить ее в дом или в кусты. Она словно снимала с него сомнения в том, что он поступает со стариком не по закону...

Молодые парни опять переглянулись. Кончать, так кончать! Жаль, конечно, что зрелище придется скомкать, да только послушаться Ибрагима – себе дороже выйдет. Кроме того, повальный обыск в такой вот деревеньке – занятие и в самом деле интересное, сулящее прибыль и развлечения... Так что можно и поторопиться...

Один из них рывком перевернул старика на живот, прижал его коленом к земле и, схватив за волосы, запрокинул

голову к спине. Второй рукой, в которой держал кинжал, поправил бороду жертвы, чтобы волосы не мешались.

– Проклятие на вас! – еще раз, обреченно прохрипел старик.

А сам и в самом деле торопливо зашевелил губами. Моллился.

– Умри! Аллах акбар!

Отточенный клинок легко, с громким хрустом, вспорол горло. На дорожную пыль широко хлынула кровь. По толпе пронесся единый вскрик.

Можно подумать, что они, эти людишки, надеялись, что после удара клюкой старик мог быть помилован!..

– Бисмилля! – дурашливо произнес боевик, вытирая об одежду убитого кинжал.

Второму шутка понравилась – он громко расхохотался. Дело в том, что слово «бисмилля» правоверный обязан произносить, когда убивает животное, предназначенное в пищу. И теперь оно и в самом деле приравняло старика к барану!..

– Больше желающих нет? – громко спросил Ибрагим, а сам не удержался, чуть скосил глаза в сторону казненного.

Так и есть, отметил он про себя, все как он и предполагал. Тело старика сотрясилось в конвульсиях – уже практически мертвое, оно еще чувствовало боль и по-прежнему хотело жить.

У его подручных особым шиком считалось перерезать горло так, чтобы жизнь человека оборвалась не сразу. То-

гда тело, из которого уже готова отлететь душа, еще долго корчится на земле, царапает ее, словно старается побыстрее забраться внутрь, разбрызгивая вокруг кровь... А случается и еще похлеще: кто-то пытается даже встать... Забавное зрелище! Сколько подобного насмотрелся за последние годы Ибрагим, даже скучно уже...

– Ну что ж, – громко сказал Ибрагим. – За дело, моджахеды! Все, что может послужить моджахедам и святому делу борьбы с неверными, принадлежит вам! Всякий, кто попытается воспрепятствовать моджахеду, тем самым пытается оказать сопротивление Аллаху, а потому может быть наказан любым способом вплоть до казни. Аллаху акбар!..

Кому что делать, он не указывал – подручные и без того хорошо знали свое дело. А потому Ибрагим сразу направился прямо к понравившейся ему девушке.

Она, судя по всему, уже давно почувствовала, что главарь выделил ее из толпы. И теперь, когда этот страшный человек, настолько равнодушно обрекающий людей на смерть, направился к ней, окончательно в этом убедилась.

Малика попятилась, стараясь укрыться от Ибрагима за спинами односельчан. Однако те, тоже смекнув в чем дело, подобострастно расступались, образовав коридор, стараясь, чтобы грозный глаз главаря банды случайно не пал на кого-нибудь из них.

– Ну куда же ты, красавица? – ухмыльнулся Ибрагим. – Постой! Я тебя не обижу...

Она остановилась. Смотрела на него исподлобья, с покорным страхом. Как затравленный зверек.

Ох и хороша!..

– Я чеченка... – тихо сказала Малика, изо всех сил надеясь, что это сообщение отрезвит главаря налетчиков.

Ибрагим словно споткнулся. Этого только не хватало! Что за день, в самом деле: только что по его приказу зарезали одного соплеменника, а теперь...

Убийство старика еще может проститься – в конце концов, тот сам поднял руку на воина Аллаха, а потому, если уж в самом деле припрет, можно будет откупиться от его рода за чисто символическую дииа – денежную компенсацию, в крайнем случае, как того требует Коран, назначить себе еще два месяца поста. А изнасилование чеченки... За это полагается по шариатскому суду 100 ударов палкой, а то и смертная казнь “через побитие камнями”... Статья 35 Шариатского уголовного кодекса. Впрочем, Шайтан с ним, с шариатским судом! Главное, что против насильника восстанет весь ее род, весь тейп!..

Чеченка... А не очень-то похожа... Может, врет, чтобы избавиться от него?.. Ладно, потом разберемся! Нельзя же вот так пасовать на глазах у всей толпы!

Кроме того, вряд ли в этой небольшой станице проживают представители какого-нибудь сильного тейпа. Так что очень маловероятно, что у девицы найдется какой-нибудь достаточно могущественный заступник.

– Ну и что, что чеченка? – громко сказал Ибрагим. – Это не освобождает тебя от обязанности материальной поддержки джихада!.. Каждый обязан по мере сил и достатка участвовать в джихаде! Где твои родственники? Веди меня в свой дом!..

– Не ходи, Малика! – неожиданно раздался из толпы юношеский крик.

Снова по людскому скопищу прошла волна – на защиту девушки кто-то рвался.

Ну уж что-что, а этого вполне можно было ожидать. Чтобы у такой красавицы – да не было лихого джигита!.. Вот его-то как раз Ибрагим и не пощадит! Не смей становиться на его пути, кто бы ты ни был!

Сквозь плотную стену людского коридора к девушке провалился совсем еще молодой светловолосый парень лет семнадцати.

– Славик, стой!.. – неся ему вслед женский крик.

Славик! Русский! – возликовал Ибрагим. Этот факт многое ему спишет, даже если вдруг – во что он, впрочем, не верил – им займется Шариатская госбезопасность. Или, скажем, ее родня... Если чеченка связалась с грязной русской свиньей, тогда и она заслуживает наказания! Аллах акбар!..

Парень стоял набычившись, закрывая собой Малику и с ненавистью глядя на главаря бандитов.

– Не трогай ее!

– Сыно-ок!.. – надрывался голос из толпы.

Было очевидно, что мать этого безумца тоже выбежала б сюда, но ее удерживали односельчане. Вот только рот закрыть не могли.

– Не трогай!..

Славик очень хотел выглядеть мужественно и решительно. Однако это получилось у него нелепо и смешно. Он был мертвенно бледным, по лицу стекали крупные капли пота, его кулаки были сжаты, однако как-то нестрашно сжаты!.. Да и сам он, бедно, по-деревенски, одетый, худой и нескладный юноша, рядом с откормленным, добротнo экипированным бандитом смотрелся неубедительно.

Ибрагим откровенно расхохотался.

– А то что будет? – издевательски спросил он. – А, щенок паршивой собаки?..

– Слави-ик!..

Бандит демонстративно шумно потянул в себя носом воздух, втягивая в себя содержимое носоглотки, собрал во рту побольше слизи и громко харкнул ею в лицо заступника. Белая и густая, похожая на сопли, она ляпнулась возле носа Славика, размазавшись на его губы. Того передернуло, он начал торопливо стирать плевки ладонью. На глазах обозначились слезы отчаяния, обиды и осознания собственного бессилия.

– Не трогай его, изверг!.. Отпустите меня!.. – по голосу чувствовалось, что мать пытается вырваться из удерживающих ее рук. – Оставь ребенка!..

Между тем Ибрагим шагнул к юному заступнику, взял его за воротник рубашки и легко швырнул назад, за свою спину. Парень упасть не успел – его подхватили шедшие за главарем подручные. Двое тут же ловко, без малейшего труда, завели руки Славика за спину, третий запустил свою руку в его волосы и крепко их сжал.

– Что с этим делать? – спросил кто-то из них у Ибрагима.

– Что хотите, – обронил тот.

Между ним и Маликой больше никого не было и судьба мальчишки его больше не волновала ни в малейшей степени. Он попросту тут же забыл о нем.

...Если бы только Ибрагим знал, чем грозит ему подобная забывчивость!..

– Ты против кого попер, русак траханный? – грубо и громко обматерил парня один из громил, увлекая того в сторону, чтобы не мешать главарю общаться с девушкой.

– А может еще не траханный? – с ухмылкой предположил другой.

– Так за чем дело стало?.. Организуем! – подхватил шутку третий. – Люблю иногда с мальчиками побаловаться...

Они загоготали. Несмотря на заломленные за спину руки и зажатые волосы, Славик, поняв, о чем говорят бандиты, отчаянно забился в их сильных руках.

– Не хочет! Значит, девочка еще!.. – потешались бандиты. – Ничего, разок попробует, в другой раз дергаться не будет!.. Да и наука тоже: не суйся, куда не следует – задница

останется целой! Га-га-га!..

– Мусульмане, вы-то что молчите! – неслось из толпы надсадное. – Вы-то что молчите? Они же ваши единоверцы... Деда Таира убили, Малику изнасиловать хотят... А вы молчите?.. Один Славик заступился... А вы молчите?.. Да будьте вы прокляты со своим Аллахом!.. Сыно-ок!..

В другое время проклятие в адрес Аллаха (да простит Он, Ат-Тавваб, Приемлющий покаяние, правоверным то, что их уши услышали подобное богохульство!) ей не сошло бы с рук. Однако теперь бандитам было не до какой-то обезумевшей от горя женщины, тем более русской. Одни уже пошли по домам, грабить. Другие, всего несколько моджахедов, стояли поодаль, наблюдая, в качестве резерва, за общим порядком – вдруг все-таки кто-то попытается организовать сопротивление. Веселая троица потащила дергающегося в крепких руках, уже откровенно плачущего Славика куда-то в сторону.

А Ибрагим опять занялся Маликой.

Толпа вокруг начала быстро рассасываться. Каждый спешил к своему имуществу. Да и не хотелось становиться свидетелем очередного преступления. Крик матери Славика становился все тише – ее уводили, спасая от верной гибели, соседи.

– Так где же твои родные, красавица? – продолжал допытываться Ибрагим.

– У меня только один дядя, – видя, что за нее больше всту-

питься некому, обреченно ответила Малика.

– И где же он?

– Дома.

Главарь нахмурился.

– А почему он сюда не пришел? Я же приказал всем собраться!..

Надо будет запомнить этот факт! Потом, вечером, при разборе нападения, необходимо разобраться, кто из подручных не выполнил его приказ. И примерно наказать – своих тоже необходимо держать в страхе. Чтобы не расхолаживались и не забывали, кто среди них главный!..

– Он инвалид. Ходить не может...

А, ну что ж, тогда другое дело...

– Ну ладно, веди в дом, показывай!

Под взглядами немногих оставшихся на площади сельчан Малика и Ибрагим направились по одной из улиц. Она шла понуро, еще слабо на что-то надеясь. Он – с осознанием собственной власти над всеми этими людишками.

– Бедная девочка... – жалостливо проговорила русская женщина им вслед.

– Не тронет, – отозвался пожилой чеченец.

Он сказал это твердо и уверенно.

– У него ж ничего святого нет! – не согласилась женщина. – Бандит, он и есть бандит... Что ж его остановит?

Чеченец снова ответил громко – наверное, он сейчас убеждал не только, даже не столько эту соседку, сколько

остальных, кто мог его слышать. В самом деле, начни потом разбираться в происшедшем родственники девушки, каждый вспомнит эти его слова и подтвердит, что он верил в благоразумие Ибрагима.

– Что остановит, говоришь?.. А кто у нее дядя? Ее дядя был ранен в девяносто пятом, когда воевал вместе с самим Басаевым!.. Нет, Ибрагим не посмеет ее тронуть!

– Ага, как же, станет твой Басаев заступаться за какого-то инвалида! – не согласилась женщина, но уже с некоторым сомнением. – Вон Тamarке Топчаевой он даже денег на лечение ребенка не дал. И когда у нее кафе сожгли, тоже разбираться с поджигателями-ваххабитами не стал... А у той ведь орден, «Честь нации» или какой там... Она ведь с ним, с Басаевым этим вашим, на Буденновск ходила, а он все равно ей не помог⁹. А тут – какой-то инвалид, – повторилась она. – Нет, не станет Басаев вмешиваться – слишком большой он теперь чин!..

– Все равно Ибрагим ее не тронет! – еще тверже заверил чеченец. – Он же мусульманин!..

Остальные молчали. Всем хотелось увериться, что с Маликой и в самом деле ничего не произойдет. Ну а себя в чем-то уверить – дело не такое уж и сложное.

А о Славике вообще ничего не говорили. Старались де-

---

⁹ – Подлинный факт. Участница «буденновской» вылазки Тамарик Топчаева и в самом деле обращалась за помощью к Шамилю Басаеву, когда ее разорили ваххабиты, однако тот ей в помощи отказал.

лать вид, что забыли. Его судьба была предрешена – и об это все знали. Не знали только, что ему предписана судьбой отнюдь не смерть...

Между тем в это время Славика неподалеку в чьем-то саду готовились насиловать. С него содрали штаны, завалили грудью на какую-то колоду... Юноша пытался сопротивляться, дергался, выл, захлебываясь слезами... Но этим только еще больше возбуждал бандитов.

– Не дергайся! – не выдержал наконец самый молодой из них, понимая, что его очередь будет последней. – Все равно не поможет. А то ведь убьем, нам нетрудно, и никто с нас не спросит за это, – он достал из кобуры пистолет и ткнул в лицо жертве. – А так хоть жив останешься...

Увидев перед собой оружие, Славик сдался. Он плакал, но теперь был готов на все.

... – Так где твой дом, красавица? – настаивал Ибрагим, перейдя на чеченский язык.

До сих пор он говорил по-русски.

Помимо того, что практически все чеченцы владеют этим, как не так давно говорили, «языком межнационального общения», русский вынуждены были знать приезжающие со всего света боевики-наемники. Никуда не денешься – должен же быть единый язык, который понимали бы все и в данном случае на эту роль больше всего годился российский. Что бы там по этому поводу ни говорили, но русский по-прежнему занимает пятое место в мире по числу людей, вла-

деющих им.

Ибрагим уже знал, что не сможет устоять перед чарами этой девушки. И тем не менее по-прежнему испытывал некоторую неуверенность. Все же чеченка, а своих насиловать нельзя... И чего она не русская?.. Тогда и вопросов не возникло бы... А так – столько свидетелей видели, как он ее увел...

Но с другой стороны, сам себя уговаривал бандит, кто из них, свидетелей, будет знать, что здесь произойдет? Вернее, будут знать, во всяком случае, догадываться, все – а вот кто осмелится открыто об этом говорить? Не будет же она сама трезвонить об этом и поднимать шум! Все остальные из страха перед ним, Ибрагимом, будут молчать и делать вид, что ни о чем не догадываются. Во всяком случае, официально в суд на него не подадут, в этом нет сомнения. Ну а слух, как говорится, к делу не пришьешь. Шариатские суды забиты сейчас таким количеством разбирательств, что никто не станет педалировать ситуацию, если не появится официального обращения.

Рассуждая подобным образом, Ибрагим откровенно храбрился. Потому что знал: помимо суда шариатского официального, есть еще и суд просто шариатский, народный. Однако привычка к вседозволенности, уверенность в собственной неприкосновенности легко побеждали чувство осторожности. И этому он тоже отдавал отчет.

...Малика вела бандита в дом, надеясь теперь только на

дядю. Уж тот наверняка сумеет поставить на место этого увешанного оружием громилу...

Тем более, рассуждала девушка, что аргументов в ее защиту имеется немало. У Малики в марте девяносто шестого в Орехово погибла практически вся родня. Тогда русские попытались взять штурмом этот небольшой поселок в предгорьях, однако отряд моджахедов (настоящих моджахедов, а не бандитов, подобных этим, которые только прикрываются именем Аллаха и джихадом) дал гяурам хороший отпор. Особенно досталось казакам, которые без нормальной разведки пошли в атаку и напоролись на минное поле... Не сумев взять поселок штурмом, русские начали расстреливать Орехово из пушек, из этих современных «катюш» или как они там называются, с вертолетов... Одна из бомб или ракет попала в дом, где жила семья Малики. Засыпанные в подвале, они погибли все – мать, обе сестры и младший братишка. Сама Малика уцелела только потому, что в это время находилась у соседей... Оба старших брата, которые с началом войны были мобилизованы в дудаевскую армию, домой так и не вернулись, где-то сгинули. Ну а отца она лишилась еще раньше – он работал в милиции, простым постовым сержантом, и его невесть кто и за что убил осенью девяносто первого...

Так и оказалась Малика у дяди, брата матери, который жил здесь, в некогда казачьей, а сейчас все более очеченивающейся, станице Хутор-Андреевский. До сегодняшнего дня

девушка чувствовала себя здесь в полной безопасности, не допуская даже мысли, что в отношении нее хоть кто-то может совершить нечто постыдное. Она знала, что ее соплеменники-чеченцы нередко подкарауливают и, вывезя из станицы, насилуют русских женщин и девушек. Иногда об этом становилось известно, однако обычно жертвы шум не поднимали и в органы шариатской госбезопасности не обращались – все равно бесполезно, зато позора не оберешься. Малика к подобным поступкам относилась резко отрицательно, но вслух особенно не возмущалась. Прежде всего, после происшедшего в Орехово к русским вообще она испытывала неприязнь, а во-вторых, была убеждена, что уж с ней-то ничего подобного произойти не может...

И вот на же тебе! Местные русские парни и казаки никогда не смели ее обидеть, хотя и знали, что ее дядя и братья воевали на стороне Дудаева – русские вообще на редкость незлобивый и немстительный народ. Так неужто ж...

И никто – никто! – из земляков за нее не вступился! Только Славка, давно и безответно влюбленный в нее соседский паренек... Что с ним сделали? Убили, наверное, как старика Таира...

– Далеко еще?

Ибрагим уже с трудом себя сдерживал. Но не валить же эту молчунью прямо здесь на землю!.. А внутри, снизу, уже поднималась горячая волна, готовая захлестнуть разум. Слишком он привык, что любая его прихоть выполняется

беспрекословно.

Малика толкнула калитку и шагнула во двор. Ибрагим то-ропливо проследовал за ней. Лишь на мгновение приостановился, оглянулся вдоль улицы. Она была пуста. Да только уж он-то знал деревню – за ними сейчас наблюдали множество глаз... Ну ладно, не множество – большинство людей сейчас заняты своими проблемами, пытаются защитить свое имущество – но то, что такие всевидящие глаза имеются, нет сомнения. Ну и Шайтан с ними!

...Дядя привычно полулежал в своем кресле и, кажется, дремал. На его худом землистом небритом лице навечно застыла кривая ухмылка – результат ранения и контузии. Правая нога у него отсутствовала выше колена и правая же рука была уродливо скрючена.

Услышав шаги, он встрепенулся, поднял голову, повернул ее видящим, левым, глазом в сторону калитки.

– Малика, девочка моя, что там... – зашамкал он плохо сросшейся челюстью, однако, увидев Ибрагима, замер.

Девушка же, увидев дядю, свою последнюю надежду, казалась, лишилась сил. Она подбежала к родственнику и тут едва не упала возле его кресла, ухватившись за изученную руку.

– Дядя, он хочет меня изнасиловать... – громко, едва не крича, сказала Малика.

– Что?

Ибрагим испытывал замешательство. В самом деле, он не

ожидал увидеть и услышать такое...

– Но-но, спокойно, кто тут что про изнасиловать... – забормотал он. – Я только вошел...

– Что?.. Да я тебя... – не слушая его оправдания, пошел по лицу пятнами инвалид.

Он вдруг весь напрягся, выгнулся дугой, видящий глаз его выкатился, наливаясь кровью, изо рта густо полезла пена.

– Да я воевал!.. – рычал он сквозь брызжущую лохмотьями пену. – А ты...

Ветеран вдруг обмяк, торопливо сунул левую руку под кресло и вытащил оттуда... пистолет.

– Мою племянницу... – ему все никак не удавалось большим пальцем трясущейся левой руки сбить вниз «флажок» предохранителя. – Изнасиловать...

Было похоже, что он теперь ничего не понимал, кроме одного: стоящий перед ним человек хочет обидеть единственное дорогое ему существо, оставшееся на белом свете.

– Но-но, ты это прекрати! – попытался остановить его Ибрагим.

Он шагнул по направлению к креслу. И тут раздался легкий щелчок предохранителя. Инвалид ловко – чувствовался навык – взвел курок. Значит, патрон уже в патроннике – выстрел может грохнуть в любой момент... Начал поворачивать трясущийся в ослабевшей после припадка руке пистолет в сторону приближающегося врага...

Наверное, большинство людей удержалось бы от того, что-

бы стрелять в инвалида. Ибрагим к таким не принадлежал. Увидев, что в его сторону поворачивается оружие, он привычно, едва ли не инстинктивно, выхватил всегда готовый к бою пистолет и выстрелил от бедра. Поставленный на автоматический огонь, тот дернулся дважды.

Они слились воедино, эти звуки: грохот выстрелов, чавкающий хруст разваливающегося черепа, скрежет опрокинувшегося инвалидного кресла, стук выпавшего из него мертвого тела с развороченной разрывными пулями головой и истошный визг девчонки, на которую брызнули осколки кости, ошметки мозга и струи крови ее дяди.

Малика сидела на земле и, сжав ладонями голову, отчаянно кричала, глядя на жуткий обрубок, оставшийся от последнего на белом свете родного человека.

– Заткнись! – рявкнул на нее Ибрагим, засовывая пистолет в кобуру и одновременно шагая к ней.

Девушка с ужасом оглянулась на бандита. Увидев, что тот направляется к ней, понимая, что теперь спасти ее уже не сможет никто и ничто, Малика вдруг перестала верещать. Все же она была дочерью воинственного народа...

Малика быстро огляделась. Вон он, пистолет, который выпал из руки дяди. Девушка метнулась к нему, даже упала, лишь бы успеть схватить оружие...

Однако было уже поздно. Подошедший Ибрагим ногой отшвырнул «ствол» в сторону. А сам наклонился и за волосы потянул Малику вверх, заставляя подняться.

– Не надо сопротивляться – лучше расслабься и получи удовольствие! – осклабившись, по-русски посоветовал он девушке.

Та, едва поднявшись, плюнула в его жирное бородатое лицо. Однако бандит только плотоядно осклабился.

– Давай-давай, трепыхайся, – ухмыльнулся он. – Так мне даже больше нравится...

– Попробуй только тронуть! – девушка пыталась вырваться из его рук. – Попробуй только!..

– И что тогда будет? – он наслаждался своей властью над жертвой.

– Я тебя убью!..

Он только расхохотался ей в лицо. И, схватив Малику за волосы, поволок ее в сторону дома.

– Отпусти! – она трепыхалась, однако вынуждена была подчиниться – было слишком больно.

– Обязательно отпущу. Только попозже, когда кончу...

Вдруг Ибрагим увидел валяющийся на земле матрас – Малика только сегодня утром вынесла его проветриться. Правда, повесить на забор не успела. Ошалевший от вожделения бандит молча швырнул девушку на него.

– Не тронь! Укушу...

Она торопливо засучила ножками, стараясь отползти от этого мерзкого мужчины.

– Кусай, если сможешь, – засмеялся моджахед.

Он наклонился, схватил Малику за ногу, рывком подтя-

нул ее к себе. А потом задрал подол ее длинного платья и ловко натянул его девушке на голову. Схватив сильной ручищей тонкую материю, содрал с нее нижнее белье и, не обращая внимания на крики и трепыхания, всей своей увешанной оружием тушей навалился на свою жертву.

...Через несколько минут он уже натягивал штаны. Глядя на безвольно всхлипывающую Малику, которая, приподнявшись, старалась прикрыть наготу порванным платьем, на красное пятнышко, оставшееся на матрасе, Ибрагим, по мере того, как успокаивалось его возбужденное мужское естество, начинал понимать, что сваял дурака, насильно лишив девственности чеченскую девушку. Да, через многие древние обычаи и традиции можно перешагнуть, можно закрыть глаза на какие-то устаревшие запреты, перевести их из злуем (преступления) в мубах, то есть в разряд поступков, пусть и не поощряемых, но и активно не осуждаемых. Но есть непреложные истины, о которых забывать ни в коем случае нельзя. За это по всем законам – как шариатскому, так и просто человеческому – полагается суровый икаб, наказание.

А он сегодня забылся. И об этом станет широко известно. Обязательно станет. Такое не утаишь.

Знать бы хоть, какого она рода, какого тейпа... В любом случае, если будут спрашивать, то, что произошло, нужно будет все напрочь отрицать...

Шайтан! Как будто мало было на площади других баб –

нужно было запасть именно на эту!

– Значит, так, – Ибрагим, небрежно отбросив в сторону обрывки ее белья, которыми подтерся, старался, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно. – В твоих же интересах, чтобы никто ничего об этом не узнал. – (Он вдруг вспомнил, что так и не узнал ее имя. Впрочем, теперь уже это и в самом деле было уже неважно). – Кто что будет спрашивать – я тебя не трогал. Ясно? А это тебе на похороны и поминки... – Он достал и бросил к ногам Малики несколько сто долларовых купюр. – Надеюсь, что если тебя спросят, ты скажешь правду, что твой дядя первым достал оружие и пытался в меня выстрелить... В общем, будь умницей и никто ничего плохого тебе не сделает. Поняла?

По большому счету, понимал бандит, девушку правильнее всего было бы прямо сейчас шлепнуть. Но только... Только она была чеченкой. Про изнасилование узнают или нет – еще неизвестно, в крайнем случае можно будет попытаться отбрезаться. А про убийство – проведуют несомненно.

Малика ничего не ответила. Она по-прежнему тихо плакала, не поднимая глаз на насильника. Ей было больно, ей было мерзко, ей было очень стыдно... Ибрагим еще немного постоял, потоптавшись, рядом, потом повернулся и ушел.

Деньги остались лежать на земле.

Доллары были фальшивыми – их специально печатали в Урус-Мартане для того, чтобы расплачиваться с рядовыми боевиками. Правда, качество печати было неплохим, так что

для нищей станицы эти несколько купюр были целым состоянием.

Северный Кавказ. Восточнее перевала Халам-Самбулак

Калюжный – Каландар – казнь

Калюжный спрыгнул на землю, оставив вертолет бесхозным, с работающими двигателями. Это грубейшее нарушение всех мыслимых правил, да только теперь не до соблюдения инструкций.

Константин бросился к лежащему на камнях Михаилу. Он остановился перед телом друга – сразу было видно, что тому уже навряд ли чем поможешь. Соломатов лежал на спине, уставившись неподвижными, уже ничего не видящими, глазами в высокое синее небо. Кровь обильно струилась из многочисленных ран на груди, иссеченная пулями куртка была уже не в силах впитать ее всю, одна рука оказалась неестественно подогнутой за спину, другая, откинута в сторону, по-прежнему сжимала рукоять автомата...

Обыкновенный человек, вынужденный прикасаться к трупу, испытывает чувство, сходное с брезгливостью. Калюжный исключением не был. К тому же, будучи вертолетчиком, он вообще редко близко сталкивался со смертью. Даже когда ему доводилось вывозить «двухсотых» из районов боевых действий, Константин старался лишний раз не выходить в салон...

Но тут было иное... Он молча опустил на колени, попытался приподнять запрокинутую голову Соломатова. В душе теплилась надежда – вдруг тому еще можно помочь?.. Крепко сжатые губы убитого приоткрылись и из уголка рта на руку Константина тонкой струйкой потекла кровь. Она не пузырилась – Михаил уже не дышал.

– Ну, уроды... – сквозь зубы процедил Калюжный. – Сейчас я вам...

Он схватил автомат, из которого стрелял Соломатов, потянул его на себя. Сжимавшая рукоять мертвая рука легко выпустила оружие – мышцы еще не успели остыть. Рукоять автомата оказалась теплой, чуть влажной от не успевшего высохнуть пота Михаила. Константин выпрямился во весь рост и тяжело посмотрел на пленных.

Высокий, сильный, перепачканный кровью, с автоматом со снятым предохранителем, он был страшен. Каландар почувствовал, что его подручные прижимаются к нему, стараются укрыться за его спиной. Да и сам он, будучи отнюдь не робкого десятка и не питая особых иллюзий по поводу того, как именно с ним могут поступить, ощутил, как напряглась на голове кожа – наверное, именно в подобные мгновения встают волосы дыбом.

– Эй, эй, командир, погоди... – словно пытаясь защититься от готовых впиться в него пуль, выставил перед собой раскрытые ладони с растопыренными пальцами один из боевиков. – Погоди, мы ведь сдаемся... Это ж не мы в него стре-

ляли, командир...

– Мишку убили, суки... – передернул затворную раму автомата Калюжный; из выбрасывателя вылетел оставшийся в патроннике неиспользованный патрон и со звоном покатился по отполированным водой камням. – Перестреляю, уроды!..

– Командир, не надо!.. – едва не хором взмолились оба подручных Каландара.

Сам главарь молчал, исподлобья глядя на взбешенного вертолетчика.

– Успокойся, Костя, – вмешался правый пилот. – Раньше надо было это самое, с воздуха, а сейчас не надо... Мишку все равно не воскресишь... А этих, это самое, и в самом деле надо допросить...

Калюжный сдерживал себя каким-то сверхъестественным напряжением воли. Он был готов изрешетить этих троих ублюдков, но остатки сознания еще контролировали чувства. Калюжный вдруг подумал, что расстреляв этих троих, он не отомстит, а предаст Мишку, потому что тому они нужны были как раз живыми.

– Успокойся, Костя, – повторил Евгений, чувствуя, что командир готов сдаться и уступить.

Борттехник ждал развязки молча. Он и сам с удовольствием всадил бы в каждого из этих бандюков по десятку горячих пуль. Однако первым, без приказа, открывать огонь не решился.

– Ладно, – как-то вдруг сразу сник Калюжный. – Вяжите уродов – и в «вертушку».

– Как здрасьте, – согласился правый.

Константин понуро повернулся и зачем-то пошел к джипу. Ему хотелось хоть на что-нибудь отвлечься от происходящего. Правый пилот проводил его глазами и повернулся к полураздетым бандитам.

– Вон ты, – ткнул он пальцем в водителя – самого щуплого среди них, который и выглядел самым испуганным. – Это самое, подойди к вещам! – указал он стволом своего автомата на лежащую на земле одежду боевиков.

– Сейчас-сейчас, – торопливо отозвался тот.

Боязливо косясь на направленное на него оружие, он приблизился к груде «камуфляжа».

– Только смотри, ё-моё, без глупостей, – строго предупредил его борттехник. – А то пукнуть не успеешь, как отправишься на свиданку с Аллахом. Там тебя уже заждались.

– Так это ж ему будет в кайф, – хмыкнул правый пилот. – Ему ж прямая дорога в рай откроется, если мы его сейчас это самое, «замочим». Он же только о том и мечтать должен, чтобы побыстрее от руки неверного это самое... Ему ж еще семьдесят родственников можно будет с собой в рай по благу устроить, если он в бою с неверными пулю, это самое, схлопочет...

– Что делать-то? – осторожно перебил его тираду боевик.

– Выдергивай из всех штанов ремни! И, это самое, по-

быстрее!..

– Сейчас-сейчас...

Щуплый боевик начал дрожащими руками извлекать из петель ремни...

Между тем Калюжный подошел к джипу и заглянул в кузов. Там вповалку лежали трупы – именно их он с высоты принял за какие-то тюки. Все черные, одни сильно обгоревшие, другие просто закопченные. У одного был жутко разворочен живот, из которого выпирали сизые склизкие внутренности, у другого изо рта вывалился распухший, сухой, в бурой застывшей кровавой пене, язык...

– Молодцы, ребята, – со злорадством проговорил Константин, имея в виду тех, кто завалил этих бандитов. – Сами погибли, так хоть не за просто так...

Он знал, насколько трепетно относятся чечики к тому, чтобы убитые были похоронены честь по чести. А потому решил просто поджечь машину с телами этих бандюков. Не тащить же их с собой, право слово!..

Правда, сообразил он тут же, их нужно сначала обыскать и забрать какие у них найдутся документы, блокноты и какие есть бумаги. Мишка не раз рассказывал, сколько полезного контрразведчики узнают по содержимому карманов убитых. Например, каким образом этим уродам в руки попадают чистые бланки новеньких российских паспортов... Да и те же рации, оружие... Трофеи, коротко говоря.

Мишка... Убили, сволочи...

Притрагиваться к мертвым телам было противно. Тем более к вражеским. И уж подавно к столь изуродованным... Константин даже засомневался: да стоит ли вообще возиться с этими документами, в самом деле? Ну узнают наши, что тут были боевики какого-нибудь спецотряда имени Рузьебая Хренбабаева... Ну и что это даст?.. Даст, пресек он предательскую мысль. Потому что если лично он узнает, какой отряд здесь действовал, кто им командовал, впредь будет отслеживать малейшую информацию по этому подразделению и всякий раз станет сам напрашиваться на полеты для нанесения бомбоштурмовых ударов по собратьям этих обгадившихся от страха сволочей, что стоят сзади. И уж не промахнется, будьте уверены, и никакой Аллах с Магометом в придачу вам не помогут, уроды!..

Внезапно что-то привлекло внимание Константина. Среди черных или с проседью волос убитых он увидел светлую седоватую мягкую прядь. У «чечиков» он подобных не видел. Неужто наемник или доброволец-европеец? Или какой-нибудь инструктор... Калюжный знал от покойного Михаила, как охотятся сотрудники органов военной контрразведки за малейшей информацией об этой категории боевиков.

О том, что среди чеченских бандитов много иностранцев, известно широко. Тут имелись и всевозможные арабы, и пакистанцы, и турки, и афганцы... Выходцы едва ли не из всех республик разваленного Советского Союза – плохо им, сво-

лочам, жилось тогда... Однако в руки военнослужащих федеральных войск кто-нибудь из них попадал исключительно редко. Если вообще попадал – Константин о таких случаях вообще не слышал¹⁰.

Калюжный уронил автомат под ноги, сноровисто откинул задний борт. Схватил за одежду и, спугнув несколько мух, невесть откуда уже слетевшихся на свежую мертвечинку, бесцеремонно скинул на землю труп боевика, под которым разглядел светлые волосы – зацепившись ногой за какую-то веревку, тот так и остался висеть с борта, упираясь головой в землю. Сам же Константин опешил, увидев на убитом темнозеленый, в зигзагах, погон с генеральскими звездами.

– Не понял, – тихо сказал он сам себе.

Вертолетчик ухватился за этот погон и потянул тело к себе. Тяжелое, уже остывшее, оно поддавалось с трудом. Константин поднатужился и перевернул его лицом вверх. И отпрянул.

– Волков? – ошеломленно воскликнул Калюжный. – Сергей Викторович?

Этого удара он уже выдержать не мог.

Калюжный повернулся к стоявшим у скалы боевикам.

---

¹⁰ Такие случаи и в самом деле были очень редки, однако все же случались, Константин просто не знал о них. Например, сотрудниками военной контрразведки были задержаны члены бандформирований русский Александр Набычаев, таджик, называвший себя Ваха Ильясов или Бислан Юнусов, азербайджанец Агашери Алхазов и др.

Щуплый уже закончил связывать руки угрюмому Каландару и дрожащему от страха второму подручному.

– Эй, ты, урод! – крикнул ему вертолетчик. – Слышишь меня?.. Ну-ка сюда, бегом!

– Сейчас-сейчас...

Щуплый дернулся было выполнять команду, но тут же замер, испуганно уставившись на борттехника, которого боялся больше остальных. Боевик не знал, выполнять ли команду стоявшего возле машины офицера.

– Давай-давай, в темпе вальса, – разрешил прапорщик. И громко спросил: – Что там, командир?

Калюжный не ответил. Подбежавшему бандиту он кивнул на труп генерала.

– Бери и тащи в вертолет.

– Сейчас-сейчас...

– А кто там, командир? – спросил правый пилот, косясь в его сторону и в то же время стараясь не упускать из вида бандитов, стоявших под скалой.

– Генерал Волков, – глухо отозвался Калюжный.

– Кто? – не понял товарищ.

– Волков. Ты его не знаешь... Потом расскажу... Я с его сыном когда-то дружил...

Константин уже принял решение, что делать дальше. Он молча шел рядом со щуплым боевиком, который, кряхтя, тащил на себе мертвое тело. Смуглый голый торс чеченца блестел от пота, по его лицу катились крупные мутные капли,

одна из которых зависла на кончике носа – эта капля ему мешала, однако, опасаясь уронить убитого, он не решался отнять от трупа руку и потому старался время от времени сдуть ее. Босые ноги бандита подгибались от тяжести...

– Попробуй только уронить, – сквозь зубы подтвердил опасения “носильщика” Калюжный. – Урою, урод!

– Сейчас-сейчас...

Наконец они дошли до ревущего двигателями вертолета. Трап остался внутри и бандит приостановился, не зная, что делать дальше. Потом он поднатужился и, чуть присев, из последних сил рыком вбросил мертвое тело в открытый проем. Было слышно, как громко ударилась голова убитого о металл лесенки.

– Что ты делаешь, гад? – Константин коротко двинул металлическим откидным прикладом автомата в зубы боевику.

– Сейчас-сейчас, – с готовностью откликнулся тот.

– Что ты заладил, как попугай: «сейчас-сейчас»? – обозлился Калюжный. – Слов других не знаешь?

Однако того заклинило напрочь:

– Сейчас-сейчас...

– Пошел к своим! – рявкнул Константин. – Слышишь, урод?

– Сейчас-сейчас...

Офицер начал поднимать автомат и боевик, бормоча свое «сейчас-сейчас», попятился от него по направлению к скале.

– Я так понимаю, что ты тут главарь? – в упор глядя на

Каландара, спросил Калюжный.

Если бы Хамлаев так не подставил его, Каландар ответил бы иначе. Однако Зульфагар сознательно обрек его если не на смерть, то на плен. А потому Каландар считал себя свободным от каких-либо обязательств перед командиром отряда “Мстители ислама”.

– Нет, не я, – с вызовом глядя в глаза офицеру, сказал он.

– А кто тогда?

– А он уехал на другой машине. И в другую сторону. Вы его упустили.

Вертолетчики переглянулись.

– Значит, вы нас, это самое, специально отвлекли, чтобы спасти главаря?.. – недоверчиво уточнил правый пилот. – Скажи на милость, какое благородство...

Бандиты молчали. Не говорить же этим гяурам, что Зульфагар их попросту подставил.

– Ну ладно. Это не наше дело, – нетерпеливо вернул разговор к интересующему его вопросу Калюжный. – А как его зовут, этого вашего главаря?

– Зульфагар, – ответил Каландар. – Шанияз Хамлаев по прозвищу Зульфагар. Командир спецотряда «Мстители ислама».

– «Мстители ислама», говоришь? Ну что ж, значит, знаете, что такое месть... Так вот, «мстители», я передумал. Мы не повезем вас с собой. Мы вас тут положим.

Каландар переглянулся с подручными. Один из них смот-

рел сумрачно, обреченно, шевеля губами, наверное молился. Второй, щуплый водитель, который относил тело убитого генерала в вертолет, казалось вот-вот расплачется – его колодила крупная нервная дрожь, тряслась челюсть, по которой тонкой струйкой стекала кровь из разбитой прикладом Костиного автомата губы, глаза набухали влагой; он уставился на русского офицера с собачьей преданностью, словно еще на что-то надеясь.

– Ну так стреляй, чего ждешь? – угрюмо уставился на врагов и Каландар. – Или ждешь, что мы пощады просить будем?

– Так уж и не будете? – страшно ухмыльнулся Калюжный. И тут же сам ответил: – Еще как будете!.. Потому что вы не знаете, какую муку я вам придумал.

Каландар презрительно сплюнул на землю. У него это получилось с трудом – во рту пересохло и слюны почти не было.

– Ты, боевой офицер, будешь нас пытаться? – с вызовом спросил он. – Хорошенькое дельце...

– Заткни свое хайло! – прикрикнул на него боргтехник. – А то я сам тебе его заткну вот этой штукой, блин горелый! – Он показал Каландару автомат. И тут же сказал Калюжному: – Командир, давай кончать, а то мы что-то долго тут засились...

Константин кивнул ему: мол, я сам знаю, что делать. А сам опять обратился к Каландару.

– Ты прав, яйца крутить или кол в задницу вгонять тебе я не собираюсь. Но только то, что я придумал, будет еще хуже...

– Да что же хуже смерти от руки такого пидара, как ты, может быть? – Каландар постарался произнести эти слова как можно с большим презрением.

– Что может быть хуже? – переспросил вертолетчик, игнорируя оскорбление. – А вот что. Сейчас я тебя шлепну, потом поднимусь на «вертушке» в воздух и влеплю НУРами вон по тому выступу, – показал он вверх.

Каландар невольно взглянул по направлению пальца. Там, прямо над ними, навис исполинский каменный козырек.

– Ну и что? – не понял он.

– А и то, – скривился в усмешке Константин. – Вся эта громадина рухнет на тебя и ничего от тебя не останется. И от этих двоих уродов тоже. Да и от машины с твоими братками, которые отдыхают в кузове. У вас, гадов, даже могилы не будет. Вы просто исчезнете. У вас не будет даже могилы, – зачем-то едва ли не с наслаждением повторил Калюжный. – По вам нельзя будет даже поминальную молитву прочитать, потому что никто не будет знать, в самом ли деле вы погибли или слиняли куда-нибудь... Или в плен попали, где вас наши зэки придушили потихоньку... Ваши матери и вдовы не смогут рассказать вашим детям о том, какие храбрые у них были отцы... – Он говорил горячно, сумбурно, не совсем складно, в какие-то моменты противореча сам себе. –

Погоди, урод, не перебивай, я еще не все сказал... Так вот, а потом я найду какой-нибудь способ сообщить вашим, что перед смертью ты на коленях просил у меня пощады, что ты вафлю мою глотал, а вон тот плюгавый тебя в задницу отодрал, лишь бы только чтобы я тебя отпустил...

– Грязная свинья! – рванулся к Калюжному Каландар. – Я тебя сейчас...

Он споткнулся и с размахом упал лицом вниз – связанные за спиной руки не позволили хоть немного смягчить падение. Чеченец крутнулся, повернулся на спину. Его лицо было мелко иссечено камешками, из носа часто закапала кровь.

– Ты не мужчина! – орал он. – Развяжи мне руки и тогда посмотрим, кто у кого вафлю глотать будет!..

– А их ты тоже в честном бою убил? – кивнул головой в сторону перевала Калюжный. – А в Буденновске за беременных женщин вы по-мужски прятались? А в Мекенской Сашку Храмова по-мужски в Тереке со связанными руками утопили? А в Чернокозово девчат наших по-мужски насильовали? А в Урус-Мартане офицеру МЧС, который вам же, уродам, хлеб привез, голову пилой по-мужски отпилили?.. Нет, урод, развязывать тебя и устраивать с тобой дуэль я не буду. А шлепнуть, как поганую собаку – шлепну!.. И рука не дрогнет. Потому что таких как ты надо уничтожить!.. Как тебя звали-то при жизни?

– Свинья! – извивался на земле Каландар.

Поняв, что подняться ему так и не удастся, он опять по-

пытался плюнуть в Калюжного, но плевков у него вновь не получился.

– Надо ж, какие у вас имена бывают, – скривил губы, стараясь обозначить усмешку, Константин. Он вдруг почувствовал, что еще немного – и не сможет выстрелить в лежащего перед ним безоружного человека. А потому он резко оборвал сам себя и торопливо проговорил: – Ну ладно, прощай!

Он коротко нажал спусковой крючок. Несколько выпущенных почти в упор пуль впились в сухое смуглое мускулистое тело. Каландар выгнулся, напрягся, захрипел, выпучив глаза, засучил босыми ногами... А потом вдруг сразу обмяк, вытянулся на камнях. Губы его шевельнулись, словно хотели еще что-то сказать, но что именно – никто не услышал. В уголках рта появилась кровавая пена. Было видно, как на его глаза напоззли веки, закрывая их навсегда.

– Его Каландар звали, – торопливо заговорил щуплый. – Вы нас не...

Его слова заглушила очередь, которую дал давно ждавший этого момента борттехник. Замочили бы этих ублюдков еще с воздуха – да и все! А то командир такую бодягу затеял – с тоски помрешь... Вообще всех бы их, чечиков, к одной стене – и из пулемета! А то разводим церемонии...

А со скалой командир здорово придумал... Во картинка будет!.. Жаль кинокамеры нету – на всю жизнь была бы память.

Калюжный стоял над тремя мертвыми телами. Казалось бы, он должен сейчас чувствовать себя удовлетворенным. Он отомстил за Мишку, за генерала Волкова, покарал бандитов, которые расстреляли нашу колонну. Однако радости от содеянного Константин не испытывал. Ладно, заповедь «Не убий!» на войну и военных не распространяется. А вот как быть с «не убей безоружного»? Или «лежачего не бьют»? Как быть с представлением о милосердии?..

– Не казись, Костя, – негромко сказал правый пилот. – Если мы с тобой когда-нибудь им попадем в руки, они так легко не дадут нам умереть. Кастрируют и, это самое, заставят собственные яйца сожрать... Пошли, пора уже...

Не отвечая, Калюжный наклонился, быстро ощупал карманы сваленной в кучу одежды и экипировки боевиков. Бумаги, которые он находил, не глядя, засовывал в карман комбинезона, чтобы потом отдать особистам – они лучше смогут разобраться что в них и к чему. Наконец нашел, что искал – рацию.

– Собери оружие! – велел он борттехнику.

Карманы мертвых боевиков, которые лежали в кузове джипа, Константин решил не обыскивать – все равно, что там было, скорее всего, сгорело или залито кровью так, что ни черта не разберешь! Ну их к черту!

– Понял, командир, – с готовностью отозвался тот. – Дерьмо вопрос.

Оружия у бандюков оказалось много, а значит кое-что из

«стволов» можно будет потихоньку оставить себе. Прапорщик уже давно мечтал прикарманить себе парочку пистолетов, а еще лучше укороченных автоматов с патронами – на «гражданке» сейчас такое творится, что лучше из армии увольняться вооруженным. Да и «загнать» при случае можно будет – «стволы» нынче в цене.

Калюжный отошел чуть в сторону от товарищей, включил рацию.

– Эй, Зульфагар! – сказал он в микрофон, надеясь, что рация настроена на нужную частоту. – Отзовись, Зульфагар, или как там тебя!.. Слышишь меня?

Хамлаев отозвался тотчас – очевидно, он уже давно с нетерпением ждал вызова.

– Я слушаю, – донес эфир. – Кто меня вызывает?..

– Это неважно. Просто русский офицер... Я хотел сказать тебе, тварь, что мы замочили всю твою банду. Понял?

– И Каландара? – почти мгновенно спросил Шанияз.

– И Каландара, – подтвердил Калюжный. – Ты остался последним. – Он мгновение поколебался и добавил: – Они отбивались до последнего, нашу «вертушку» чуть не сбили... И моего друга убили... Так что имей в виду, что теперь я лично буду за тобой охотиться. У тебя теперь личный кровник появился. Понял, тварь?

– Испугал ежика голой задницей, – откровенно, без тени рисовки, расхохотался Зульфагар. – Смотри, как бы я тебя самого на кол не посадил...

– Ладно, хватит! Я отключаюсь...

– Погоди-погоди! – попытался остановить его Шанияз. – Ты хоть скажи, как тебя зовут!

– У Каландара спросишь, когда встретишься с ним, – оборвал Константин и, не выключая, отшвырнул что-то кричавшую рацию в сторону.

– Экипаж, по коням! – крикнул он подчиненным.

Они ловко, хотя и без стремянки, помогая друг другу, вскарабкались внутрь. На ребристом полу лежали два трупа.

Экипажу уже не раз доводилось возить «двухсотых». Однако раньше это были тела абстрактных людей, которых было просто жалко, как и любого другого покойника. Но тут... Перед Калюжным лежали Мишка и Волков.

Он наклонился и набросил на них брезент. Хоть не простыня и не саван, но все-таки...

Вертолет круто пошел вверх.

– А скалу рвануть? – напомнил Калюжному борттехник. – Забыл, что ли?..

– Хрен с ними, пусть так остаются, – нехотя отозвался командир. – Может, местные или чечены найдут и похоронят по-мусульмански...

Прапорщик разочарованно промолчал. Он-то уже предвкушал, как они влепят из обеих кассет по скале, как, объятая клубами пыли, она обрушится вниз, как облако мелкой взвеси будет расползаться по долине... А потом, под обломками горной породы, раздавленный камнепадом, рванул бы

и джип... Во класс был бы – было б что ребятам рассказать! А тут что-то командир дал обратный ход!..

Что-то он сегодня не в себе. Из-за Мишки переживает, понятно. Ну так и подавно нужно было бы закопать этих тварей, чтоб им ни дна ни покрывки!..

Они не ведали, что с земли вслед улетающему вертолету со смешанным чувством смотрел раненый боевик с приколотым к воротнику языком. Он уже давно пришел в себя – еще когда машину тряхнуло от близкого разрыва выпущенных с вертолета ракет. Когда русаки осматривали машину, он притворился мертвым. А теперь не знал, правильно ли поступил. Лучше бы расстреляли... А может помиловали бы, пожалели?... Все-таки раненый...

Из-за борта джипа боевик не видел, что именно произошло у скалы, не слышал разговор русаков с его товарищами, даже автоматные очереди донеслись сквозь рев вертолетных двигателей приглушенно, а потому мог обольщаться в этом вопросе...

Он теперь уже боялся не столько русских, сколько остаться одному в горах, на жаре, когда все тело пронизано ноющей болью, когда кровь продолжает сочиться сквозь бинты, когда в груди сквозь сбившуюся повязку свистит проникающая рана... Когда от привалившихся к нему тел уже чуть заметно начинает сочиться запах мертвечины... Когда все гуще и назойливее роятся невесть откуда взявшиеся в этих пустынных местах крупные мухи... А вон уже медленно опус-

кается с неба на дармовую поживу какая-то большая птица с крючковатым клювом. Скоро, надо полагать, и шакалы пожалуют...

Боевик попытался что-то крикнуть, позвать кого-нибудь на помощь, однако вместо этого у него изо рта выдавилось только какое-то мычание. Только теперь он почувствовал, что не может пошевелить языком. Боевик вообще сейчас ощущал язык как нечто инородное, не подчиняющееся ему... Так как перебитая правая рука его не слушалась, раненый кое-как выпростал из-под навалившегося на него тела соседа по кузову левую и застонал, потянувшись к лицу. Из его собственного рта торчало что-то большое, распухшее, и с этого «чего-то» лохмотьями отшелушивались какие-то чешуйки. И все это непонятное было пришпилено булавкой к какой-то тряпке.

Он не сразу понял, что это такое. А когда понял, по-волчьему завыл. Впрочем, на самом деле это ему только казалось, что он и в самом деле завыл – стоящий в собственных ушах крик наружу вырывался лишь едва слышным хрипом.

Боевик понимал, что сил справиться с булавкой, тем более вслепую, слабой левой рукой, у него нет. Какого-нибудь инструмента, чтобы перекусить сталь, под рукой не было. Разрезать собственный язык он не смог бы, тем более, что и нож на поясе на привычном месте он нащупать не мог... А значит даже если он в кармане у кого-нибудь из лежащих в кузове, найдет дальнобойную рацию, сообщить о своем отчаянном

положении не сможет.

Обреченный уронил тяжелую руку. Что-то надо придумать, надо что-то срочно придумать... Да только что тут придумаешь, когда всем твоим существом постепенно овладевает полнейшая апатия ко всему, в том числе и к собственной жизни?..

Краем глаза человек заметил рядом какое-то движение. С трудом, всем телом, он повернулся в ту сторону. И встретился взглядом с круглым зрачком большой хищной птицы, вцепившейся могучими когтями в борт джипа с явным намерением воспользоваться таким обилием невесть откуда появившейся еды. Раненому стало не по себе – он вдруг вспомнил, что когда-то слышал, будто именно человеческий глаз является для стервятников излюбленным лакомством... Это, значит, этим вот клювом орел или коршун, черт их разберет, сейчас долбанет его точно в зрачок!.. От этой мысли в полумертвом уже теле проклюнулась вдруг жажда жизни... Даже не так, не жажда жизни, а нежелание сдаваться бездушной твари без боя...

Забыв о боли, раненый левой рукой потянулся к кобуре, которая находилась на правом боку. Увидев это движение, птица как будто даже не испугалась. Она не торопясь, величественно расправила исполинские, закрывшие раненому полнеба, крылья, шагнула с борта и, подобно планеру, скользнула по воздуху в сторону. Ей спешить некуда, она подождет. Или займется вон теми, спокойными, телами, что

лежат под скалой...

Уж она-то, птица, на опыте многих поколений предков, на генетическом уровне, знает, что и этот человек, который еще пытается ей угрожать, скоро, совсем скоро станет обыкновенной добычей. Даже не добычей – просто пищей. Протоплазмой, сказал бы орлан – если бы, конечно, знал это слово. И сейчас можно даже не беспокоиться о конкурентах – остальных орланах, которые непременно слетятся на пир со всей округи. Они долгими часами барражируют в своих секторах неба, выглядывая на земле добычу. Одновременно они не выпускают из вида и своих соседей, чтобы не проморгать момент, когда кто-то из них спланирует вниз... Вот и сейчас, нет сомнения, что маневр обнаружившего пищу орлана уже замечен, а потому соседи-конкуренты уже плывут сюда. Ну что ж, пусть плывут! Здесь еды хватит на всех.

Когда люди начинают уничтожать друг друга, у стервятников наступают благодатные времена. Подольше бы это продолжалось!..

Чечня. Лагерь подготовки боевиков.

Аргун – Зульфагар

Аргун смотрел на своего подчиненного раздумчиво, знакомо постукивая по столу поочередно то тупым, то заточенным концом карандаша, который он привычно вертел в своих сильных ловких пальцах. Сидевший перед ним Шанияз Хамлаев внешне выглядел спокойным и уверенным в себе.

Между тем на самом деле это было напускное – он чувствовал себя более чем неудобно. Зульфагар прекрасно понимал, что, по сути дела, вся его жизнь сейчас, подобно столь хрупкому предмету, пребывает вот в этих самых сильных умелых руках. И это ровное постукивание карандаша чрезвычайно беспокоило его больше всего – по мнению Шанияза оно означало, что Аргун им здорово недоволен, однако окончательное решение в отношении его еще не принял. И каковым будет это решение – неведомо никому.

За то, что он вернулся с задания потеряв, по сути, почти всю группу, его вполне могли отдать под суд шариатского трибунала. Ну а там разговор, как правило, бывал коротким – судьи рассуждали по принципу страшных советских «троек» конца 30-х годов: людей невиновных не бывает в принципе и уж среди тех, кто попадает им в руки, в особенности. Единственное, хотя и существенное, различие состояло в том, что шариатский суд мог вынести приговор не обязательно «десять лет без права переписки»...

В комнату тихо и незаметно вошел молодой парень. Перед собой он толкал тележку, на которой теснились два маленьких чайничка, две небольших чашки, сахарница, блюдце с зернышками очищенного граната, еще какие-то угощения... На него никто не обратил внимания. Парень сноровисто расставил посуду на столике. Очевидно, осознавая, что он тут явно лишний, тем не менее, осмелился подать голос.

– Минералки, Зульфагар? Холодненькая...

Шанияз, казалось, только теперь обратил на него внимание. Кто он такой, этот служка, что осмелился подать голос самому Хамлаеву, если тот к нему не обращался?

Однако сейчас было не до того, чтобы воспитывать молодежь. Шанияз лишь коротко взглянул на парня и коротко же качнул головой, отказываясь.

– Иди-иди, Муртаз, – по-прежнему демонстрируя глубокую задумчивость, проговорил Аргун. – И проследи, чтобы нам никто не мешал. У нас важный разговор...

Парень столь же незаметно и неслышно покинул комнату. Вновь зависла тишина, прерываемая лишь легким постукиванием карандаша о столешницу.

Между тем на самом деле Аргун решение уже принял. И он прекрасно видел, что спокойствие Зульфагара – не более чем поза. Впрочем, Аргуну нравилось как держится подчиненный. Другой, не выдержав затянувшегося молчания грозного руководителя, уже давно начал бы дергаться, оправдываться, доказывать свою невиновность – и обязательно проговорился бы о чем-нибудь таком, что утаил при основном докладе. Так муха или мотылек сильнее и сильнее запутывается в паутине, когда трепещет крылышками, стараясь выбраться.

Ну а в том, что Зульфагар рассказал не все, что попытался хоть что-то неприглядное для себя оставить за кадром, Аргун не сомневался. Это было вполне естественно. Аргун не ставил это умолчание подручному в вину – он был слишком

опытным человеком, слишком много испытал в этой жизни, слишком долго ходил по грани между жизнью и смертью, слишком часто подвергался допросам, чтобы тотчас не смекнуть, что Хамлаев, по сути, обрек недалекого Каландара на смерть, направив того непосредственно в сторону границы, в то время как сам остался пересидеть опасное время в укромном уголке. Слов нет, Зульфагар поступил правильно – с момента, когда операция сбивается с плана и начинает развиваться не по намеченному изначально сценарию, человека могут спасти только нестандартные шаги. Никто ведь не принуждал того же Каландара ехать к границе напрямую, сам выбрал именно это направление! (Во всяком случае, так утверждает Зульфагар, – сделал в уме поправочку Аргун. – Ну да только навряд ли он стал бы врать настолько нагло: он не может не понимать, что обязательному допросу подвергнутся и оба приехавшие в нем боевика – и водитель, и второй... Как его... Ну, неважно... А, вспомнил, кажется, Арсен!). В ситуации, в которой остатки группы оказались после боя на перевале, выбор был не столь уж велик: коль оказался в сложном положении, каждый спасайся в одиночку.

Все это так. Однако, как ни говори, Зульфагар во время акции был не рядовым бойцом, он был командиром, а потому в его прямые функции входило заботиться не только о себе самом, но и обо всем отряде. Или пусть даже о его остатках... Тут нужно как следует подумать, как действовать в отношении его в дальнейшем.

Нет, слишком строго наказывать, тем более отдавать под суд капитана Хамлаева Аргун не станет. Напротив, громогласно выскажется, что, по его мнению, в сложившейся ситуации Зульфагар, разделив группу, поступил абсолютно правильно – просто кому-то повезло больше.

И все же... Все же...

В будущем при планировании последующих операций нужно будет обязательно учитывать выводы из сегодняшних событий. По сути дела, прекрасно спланировав нападение, Хамлаев в какой-то момент увлекся индивидуальными действиями, а потом и вовсе подставил Каландара... Как видно, командиром целого подразделения спецназа Зульфагару быть еще рановато. Молод еще. К тому же если учесть особенности его психотипа, он вообще вряд ли когда-нибудь сможет быть командиром. Не его это стезя.

Так что Хамлаева, пожалуй, и в самом деле лучше использовать для выполнения индивидуальных заданий. Во всяком случае, сегодняшнее происшествие подтвердило те опасения и предположения, которые посещали Аргуна и раньше. И ничего экстраординарного в этом нет. В конце концов, есть же прирожденные лидеры, а есть махровые индивидуалисты!..

– Ладно, Шанияз, – заговорил Аргун, отбросив покотившийся по столу карандаш. – Проколы могут случиться у каждого. Главное сделано – колонна разгромлена, практически все русаки уничтожены. Ну а жертвы... Лучше бы их избежать, конечно, но только война без потерь не бывает... Сего-

дня весь день по всем телеканалам только о твоём нападении и говорят. Завтра еще и в газетах прочитаем подробности.

Говоря это, Аргун слегка улыбался. Однако Хамлаев не особенно доверял этой улыбочке. Потому что никому и никогда не было ведомо, что скрывается за этими растянувшимися губами, за этими укрывшимися в сеточке морщинок всегда холодными оценивающими глазами. Во всяком случае о том, как Аргун в свое время сбросил с вертолета своего же помощника Ваху Султанова, было известно всем.¹¹

– В общем, так, Шанияз, – перешел на деловой тон его начальник. – Иди пока отдыхай. Ты сегодня славно потрудился... Хотя хотелось бы, конечно, сам понимаешь, чтобы все было чуть иначе... Впрочем, ладно, извини, просто вырвалось... Так вот, иди отдыхай. Но только смотри, не обкуришь... Да что я сегодня, в самом деле, – с досадой (искусно-искусственной) прервал он сам себя. – Ты ж этим делом не грешишь... Ну тогда, тем более, не напейся... Тебя могут вызвать на совещание штаба. Тебе, насколько я могу судить, в ближайшее время будет дано интересное задание. Так что имей в виду, – закончил он многозначительно.

Однако такое окончание его тирады Хамлаеву не понравилось еще больше, чем весь предшествовавший ему разговор. Слишком уж оно выглядело как некое успокоительное: мол, ты же видишь, ты нам очень нужен, а потому прокол с

---

¹¹ О некоторых эпизодах из прошлого Аргуна рассказывается в романах “Кид-нэппинг по-русски” и “Гений смерти”.

засадой мы тебе в вину не ставим... Именно потому, что его подобный намек насторожил, Шанияз попытался сопротивляться.

– Но Аргун, мне бы теперь отлежаться где-нибудь, после сегодняшнего... – он старательно изображал озабоченность. – Я же тебе говорил, что мне этот русский по радиации сказал, что за мной охота начинается...

– Погоди-погоди, – добродушно отмахнулся от его тирады Аргун. – Я же не говорил, что опять пошлю тебя на подобную акцию. У нас другие мысли, мой мальчик. Пора тебе выходить на другую, более высокую орбиту!

На какое-то мгновение Шанияз даже расслабился. Что значит «на более высокую орбиту»? Такое выражение льстит любому...

Стоп! Уж не собирается ли Аргун именно таким образом усыпить его бдительность?..

Хамлаев вскинул глаза на своего начальника. И наткнулся на его насмешливый взгляд.

– Ты бы знал, Шани, как у тебя на лице все твои опасения отразились, – хмыкнул Аргун. – Сдерживать себя нужно учиться, сдерживать... – И перешел на свойский, едва ли не на интимный, тон. – Послушай, мой мальчик, я тебя сдавать не собираюсь. Понял? Не собираюсь! Посуди сам: на кого мне опираться в этом стаде? Ты же умный, ты понимаешь, что мне нужны свои люди. А ты ведь мой человек? Мой?..

Зульфегар был ошарашен.

– Конечно, твой, – растерянно проговорил он. – Куда мне и с какой стати метаться?..

Аргун такой ответ воспринял как должное.

– Вот и я тебе о том же! Волк-одиночка красив только в кино, да на нашем гербе – в жизни мы должны опираться друг на друга! Кто поможет, кто прикроет в случае провала?.. Ведь у тебя сегодня был провал, Шани, признай. Тебя сегодня за это сдать в руки Абу – раз плюнуть... – (Хамлаеву при одном упоминании этой клички лагерного палача стало не по себе). – Но мы с тобой нужны друг другу, Шани... – Аргун говорил почти искренне. А потому очень убедительно. – Я прикрываю тебя, потому что ты умный и потому, что ты нужен мне. Но и я нужен тебе! Мы только в связке сильны. У меня есть еще несколько надежных парней. У тебя есть несколько надежных парней. Все мы должны быть одной командой, Шани! Если мы перессоримся, арабы окончательно подомнут нас! И тогда Абу займется не только тобой, но и мной...

Хамлаев слушал все это, не веря, что это говорит Аргун. Всесильный, всевластный, бесстрашный Аргун. Человек, который стал легендой при жизни, человек, который не стал коронованным вором в законе лишь потому, что сам не захотел принять этот сан, человек, имя которого стало нарицательным... И этот человек предлагал вступить в его личную команду!.. А как же?..

А Аргун уже продолжал, предвосхищая не слова – самое

мысль!

– Ты, конечно слышал, Шани, что я грохнул под Москвой дурака Ваху Султанова... Ну так ведь он заслужил казни – слишком зарвался. Он был дураком, тот Ваха. Обнаглел, со всем нюх потерял. Чуть всех нас тогда не “спалил”... А мне нужны умные люди... И верные. Как ты.

Аргун вдруг остановился. Он вдруг понял, что в какой-то момент увлекся и сказал что-то лишнее. А потому поступил, как и должно было бы поступить в подобной ситуации. Он сделал театральный жест, прикрыв рукой глаза. Зульфагар должен был расценить его так: шеф просто играет с ним, а потому его слова не следует расценивать слишком уж серьезно.

Хамлаев его так и понял. И в то же время Шанияз понимал, что Аргун в значительной степени прав. Только на него, старого опытного волка, можно сейчас делать ставку. Случись с ним что-нибудь – и все! Конец и карьере капитана Хамлаева. Карьере не в смысле достижения званий и почестей. Нет, карьере в смысле вообще самого существования Шанияза. В чужой команде он стал бы чужаком и пришлось бы начинать все сначала...

– Я все понял, Аргун, – поспешил заверить Шанияз.

– Вот и отлично, – подхватил Аргун. – Ну а теперь иди, отдохни. Только помни, что ты в любой момент можешь мне понадобиться.

– Хорошо.

Хамлаев поднялся, кивнул Аргуну и вышел.

Хозяин задумчиво смотрел на закрывшуюся за капитаном дверь. То, как четко Хамлаев спланировал и организовал сегодняшнюю засаду, как ловко потом подставил Каландара, свидетельствовало о том, как быстро матерееет этот молодой волчонок. Судя по всему, он может далеко пойти, если, конечно, шею раньше времени не сломает. Пока еще он не опасен, пока он будет служить ему верой и правдой. Но не приведи Аллах проморгать момент, когда Хамлаев осознает свою силу и попытается начать собственную игру...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.